

Искорка 8 1979

АВГУСТ 1979

год издания XXIII

газеты
«Ленинские
искорки»,
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
В.Л.К.С.М.,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

ЕЖЕМЕСЯЧНИК

Ольга ФОКИНА

Летняя песенка

Мама папу убеждала,
Папа маму убеждал...
— Наш ребёнок хилый, малый!
— Да не хил он и не мал!
— Ходить-бродить пешком,
Да с этим вещмешком!
— Так ведь не по горам!
— Зато по комарам!
...Вместе с папой! В воскресенье!
Разве можно — не пойти?!
Человеку в удивленье
Все подробности пути:
— Ой, папа, родники!
Ой, папоротники!
Ой, ягодка в росе!
Ой, не одна, а все!
Мы домой вернёмся к маме,
Проплутав в лесу весь день.
Гриб — в корзине, жук —

в кармане,

Счастье полное — везде!
Ты, мама, не сердись,
А лучше соберись
И в следующий раз
Не отставай от нас!

Рис. Ю. Шабанова

Василий ОСТРОВСКИЙ

БЕЖИТ ТРАМВАЙ ПО ГОРОДУ

Мы так привыкли к нашему трамваю, что даже и представить трудно: как это без трамвая?! Кажется, что его веселые вагончики бежали по рельсам всегда. А между тем нет ему и ста лет. И если уж рассказывать биографию трамвая, надо сначала ответить на вопрос: как же без него было?

Строя наш город, царь Петр I задумал создать на берегах Невы «северную Венецию»: вместо улиц прокопать каналы, а вместо телег, колясок, бричек пустить лодки. Даже указы издал: всем дворянам, купцам и прочим имущим людям иметь лодки. На Неве устраивал смотры этого «малого петербургского флота». Только ничего из царской затеи не вышло: даже если каналы копать, то вынутую землю всё равно в телегах увозить надо. Лодки шодками, паруса парусами, а лошадка в ту пору была понадежнее.

Тянули лошадки телеги, бежали, запряженные в брички, важно везли кареты.

Вельможи выезжали на улицы города с «букетами» на запятках карет: в центре стоял выездной лакей в ливрее по цвету княжеского или графского герба, в напудренном парике и треугольной шляпе, рядом — высоченный гайдук в красной одежде, с другого бока — арапчонок, опоясанный турецкой шалью и с белой чалмой на голове. Моду эту ввела сама императрица.

При этом «купцам, мещанам и всяким посадским людям» строжайше запрещалось украшать свои экипажи, красить и то разрешалось одного лишь цвета краской.

При Екатерине II в городе уже было четыре тысячи карет — в срок раз больше, чем при Петре I. Но это — частный транспорт, а «общественный транспорт» — извозчики (в старину их звали «извозчики», от слова «извоз»). В Санкт-Петербурге они появились уже в дни его строительства, и с каждым годом количество их росло.

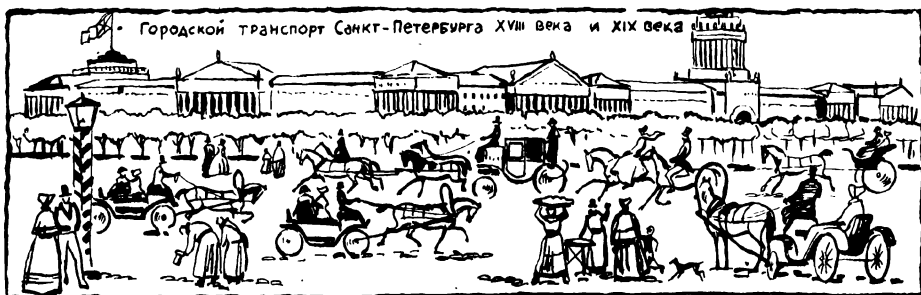
Были извозчики разными. Самыми распространенными были «ваньки» — одноконные пролётки, дешевые и вездесущие, в любой части города их можно было найти и тут же нанять. У Гостиного двора и на углу Невского проспекта и Владимирской улицы дожидались седоков кареты и одноконные московские колясочки — эти уже были подороже «ванек», и нанимали их обычно сразу на целый день. Был транспорт и дешевле «ванек» — «вейки» — легкие сани с бубенцами и колокольчиками. На них приезжали в столицу на масленицу финны, и куда бы их ни попросили ехать, цену они называли одну: «тридцать копеек». Разумеется, были ещё и грузовые извозчики — ломовики.

Скрипел, тархтел, гремел, громыхал по городу конно-колёсный транспорт. Если сравнить шум, который сопровождал телегу, с тем шумом, что создают автомашины, да учесть при этом, что дорогу по-

кывал тогда не асфальт, а чаще всего булыжник, то в ту пору грохота было несравненно больше. С шумом, конечно, боролись. В конце прошлого века у извозчиков-лихачей появились экипажи на надувных шинах, их так и прозвали — «дутики». А ещё раньше, весной 1827 года, на Невском проспекте проложили сколоченный из досок колёсопровод — «для спокойной езды экипажей». Может быть, это и было началом биографии трамвая? Пожалуй, нет. Да и с конной тягой нам расставаться ещё рано. Сначала следует познакомиться с «омнибусом».

Слово это, переведённое с латыни, означает: «для всех». Не для кого-то одного, а для нескольких, для многих сразу. Омнибус, в полном смысле слова, был транспортом общественным.

Впервые появился он в 1662 году в Париже. Это были совершенно новые по тем временам конные повозки сразу на восемь человек. Ездили они к тому же не кто куда закажет, а по точно определённым улицам — по маршруту. Правда, омнибусы тут же запретил французский король («Как это для всех?! Знатным сидеть вместе с незнатными?!»), но в 1827 году они возродились вновь и быстро распространились по странам Европы.

До Петербурга омнибусы добрались в 1848 году, и здесь их переименовали в «дилижансы». Чтобы не перепутать дилижансы разных маршрутов, кареты их красили в разные цвета: к примеру, от Басейной (ныне улица Некрасова) до Покровской площади (ныне площадь Тургенева) ходили синие дилижансы, от Дегтярной улицы на Петербургскую сторону — малиновые. Было у дилижансов и ещё одно имя: «сорок мучеников». Так их прозвали петербуржцы за толчею и тесноту.

Время настойчиво требовало нового, более вместительного городского транспорта. Что делать? Увеличивать размеры дилижансов? Но тогда лошадям труднее будет их тащить. Может быть, как-нибудь помочь самой «лошадиной силе»?

Французы пошли именно по этому пути, и в 1852 году инженер Луба изобрёл конно-железную дорогу: поставил омнибус на металлические рельсы. Разумеется, по гладким рельсам тащить кареты лошадям было легче и свезти они могли больше.

В 1860 году «конка» появилась в Петербурге. Сначала грузовая, а через два года и пассажирская. Три её первые линии пролегли по Невскому проспекту, по Садовой улице и от Адмиралтейства на Васильевский остров.

По виду конка была уже очень похожа на наш современный трамвай. Тот же вагон, только не металлический, а деревянный. Железнодорожники могли ехать и на крыше (на «империале», как называлась вагонная крыша). Туда вела винтовая лестница. Проезд в вагоне сто-

ил пятак, а на крыше — алтын (3 копейки). Были и специальные летние конки с развевающимися полосатыми занавесками. Поскольку электричество ещё до конки не добралось, вагоны освещались керосиновыми лампами. Впереди вагонов стали ставить фонари с разноцветными стеклами, чтобы и в темноте можно было определить издали, конка какого маршрута приближается к остановке.

В «Правилах пользования конно-железными дорогами» указывалось: «В предупреждение несчастных случаев господу пассажиры приглашаются выходить и входить из вагона только на местах остановки или тихого хода вагонов, причём соскакивать нужно обязательно по направлению движения вагонов...»

Видите: и на ходу соскакивать дозволялось. И то сказать: скорость конки не превышала восьми километров в час. Не только личахи на «дутиках», но и «ваньки» легко её обгоняли.

Петербургская конка была в руках частных владельцев. В 1874 году между ними и городской управой был заключён договор, по которому никто, кроме «Акционерного общества конных железных дорог», не имел права прокладывать рельсы на улицах столицы. Договор этот был заключён сроком на тридцать лет. Он-то и стал на время самым главным трамвайным «тормозом».

Ещё задолго до того, как француз Луба прокладывал по Парижу первые рельсы конки, в России академик Борис Семёнович Якоби нашёл для городского транспорта силу помощнее лошадиной — электрическую. Была в ту пору и другая немалая тяговая сила — пар. От Петербурга к Царскому Селу бегали уже первые паровозики. А Борис Семёнович Якоби осваивал электромотор. В большой лодке он установил гальванические батареи, подключил к ним электрический мотор, «принял на борт» 14 пассажиров и поехал по Неве. Без парусов и весел. Поехал — на удивление публики — против течения!

Но только в 1880 году электричество смогло помочь городскому транспорту. Тогда-то и появился трамвай.

Давайте сначала разберемся: что это за слово «трамвай»? Пришло оно к нам из Англии. Там некий изобретатель О'Трам пустил по улицам Лондона паровую конку. Её сразу же назвали «дорогой Трама». По-английски слово «дорога» — «вей», «дорога Трама» — «трамвей». Отсюда и наш «трамвай».

А теперь познакомимся с талантливым инженером, штабс-капитаном гвардейской артиллерии Фёдором Аполлоновичем Пирожкиным. Его интересовала передача электроэнергии на расстояние с помощью рельсов железной дороги. Сначала в Сестрорецке, а потом на Волковом поле в Петербурге ему удалось осуществить такую передачу на двести с лишним метров, позже — на километр. Тридцатипятилетний штабс-капитан сразу понял, что прежде всего его изобретением должны заинтересоваться владельцы конки. Члены правления Акционерного общества милостиво согласились посмотреть, что, мол, там этот

фантазёр наизобретал. В конце августа 1880 года одна из петербургских газет писала: «...в 12 часов дня в С.-Петербурге на Песках, на углу Болотной улицы и Дегтярного переулка, г. Пироцким в первый раз в России двинут вагон электрического силою, идущей по рельсам, по которым катятся колеса вагона. Динамоэлектрическая машина подвешена к вагону снизу... Пробное движение вагона электрическим способом назначено на 1 сентября в 11 часов утра».

Само собой разумеется, взглянуть на это чудо явилось много желающих. У Рождественского парка (ныне трампарк имени Смирнова) стоял обычный с виду двухъярусный вагон конки. Но это только с виду. Ф. А. Пироцкий не только снабдил его электродвигателем, но и устроил в нем контроллерное управление, позволяющее менять скорость движения и направление движения вагонов. Он сам и сел за рычаги управления. И вот вагон без какой-либо конной тяги сам стронулся с места и побежал по рельсам. Внезапно он остановился и с той же скоростью покатил обратно. Этого и не ожидали даже!

Ф. А. Пироцкий пригласил желающих занять места в вагоне и на империале. Сорок человек тут же расхватили места. Электровагон это совсем не смутило: он побежал с той же скоростью. Восхищению, ликованию не было границ!

Не ликовали только владельцы конки. Они, конечно, поняли, что изобретение Ф. А. Пироцкого куда как лучше их конок, но тут же и смекнули, что если заменить лошадей электрическими вагонами, то на это надо солидно раскошелиться. Зачем им это? Конка и так дает немалые прибыли. Да и не конкурент им инженер Пироцкий! Ну, изобрел он электрический вагон, а где он его пустит? Все улицы в их руках! Договор на 30 лет заключен! Не отдадут они улиц Пироцкому! Не позволят электровагонам бегать по Петербургу! «Королей» конки поддержали и питерские извозпромышленники — капиталисты, в чьих руках находились бесчисленные «ваньки», «лихачи», «ломовики». Они тут же объявили, что электрический экипаж инженера Пироцкого будет только путать лошадей на улицах, и те, с перепугу, могут пешеходов и потоптать.

Так и случилось: трамвай в Петербурге не пустили. Первые его вагоны побежали в 1892 году в Киеве. Затем трамвай пришел в Казань, в Нижний Новгород (ныне г. Горький), в Екатеринослав (Днепропетровск), в Одессу, в Тверь (ныне г. Калинин), а в Петербурге ему было никак не пробиться.

Но и инженер Пироцкий не думал сдаваться без боя. Не пускаете на улицы? Ладно. Улицы ваши, а реки? И зимою 1895 года впервые трамваи российской столицы пошли... по льду. По Неве. Юркие электрические вагончики задорно побежали от Сенатской площади (ныне площадь Декабристов) к Васильевскому острову и Мытнинской набережной, от Марсова поля — на Выборгскую сторону.

Владельцы конки возмутились. Подали в суд.

— Никто не вправе, кроме «Акционерного общества конных железных дорог», — кричали адвокаты владельцев конки, — прокладывать рельсовые колеи в Петербурге, так записано в договоре!

— Записано, но не так, — отвечали адвокаты городской управы. — Там записано: «...прокладывать колею на улицах Петербурга», а Нева — не улица, она — река. Договор не нарушен.

Нам теперь это удивительно: как могла какая-то кучка дельцов бороться с целым городом? Тормозить развитие транспорта? А вот могла. И до тех пор не пускала трамвай на улицы города, пока не истёк срок договора.

Инженер Пироцкий «пробил» первую колею нашему трамваю, а вот дальше повёл её другой инженер — Генрих Осипович Графтио. Он был сыном железнодорожника, в 1892 году закончил физико-математический факультет университета в Одессе, а еще через четыре года — Петербургский институт путей сообщения. Темой своего диплома он уже тогда выбрал «Электрификацию железных дорог». Диплом защитил отлично и был послан за границу для совершенствования в своём деле.

Предложение строить петербургский трамвай Графтио принял охотно. Приняв предложение построить в Петербурге трамвай, он уже думал и об электростанциях, которые дадут ему ток.

16 сентября 1907 года должно было состояться открытие первой линии трамвайного сообщения: Адмиралтейская площадь — Николаевский мост (ныне мост Лейтенанта Шмидта) — Васильевский остров.

Первый вагон повёл сам Генрих Осипович. В немалой толпе петербуржцев сразу же распространился слух, что трамвай ведёт какой-то «граф Тио», и когда вагон вернулся с Васильевского острова обратно, все кинулись смотреть на необычного графа-вагоновожатого. Много лет спустя, когда Г. О. Графтио был уже всемирно известным академиком, этот первый его рейс на трамвае вдруг снова вспомнился. Вот как о нём рассказывал своей жене сам академик: «Понимаешь, появились в городе новые трамвайные вагоны «ЛМ-33». Позволил мне Николай Григорьевич (инженер, помогавший Графтио пускать первый трамвай) и спрашивает: «Не хотите ли полюбопытствовать?» Встретились. Вошли на площадку, осмотрелись. Николай Григорьевич знал вожатого и попросил его допустить меня к контроллеру, сказав при этом: «Это старейший вагоновожатый Петербурга! Он вел в городе самый первый трамвай». И я повел «четверку» по всем правилам».

В 1911 году трамвайные пути Петербурга протянулись уже на 132 километра. А в 1940 году трамвай «завоевал» уже 220 километров ленинградских улиц. Но вскоре пришла война...

В сентябре гитлеровцы подошли совсем близко к стенам нашего города. Приближалась тяжёлая блокадная зима. Электроэнергия подавалась с перебоями и вскоре совсем перестала поступать в трамвайную сеть. 8 декабря 1941 года ленинградские трамваи встали. Зима замела их снегом, разрывы бомб и снарядов выбили из окон стёкла. Они стояли примолкшие, насквозь промёрзшие, дожидаясь весны и победы. Ленинградцы тоже ждали этой весны, заранее готовились к ней. В снежном и морозном январе 1942 года Ленинградский горком партии вынес решение: во что бы то ни стало пустить трамвай! И 7 марта 1942 года трамвайщикам сообщили, что ток будет дан. К одиноко стоявшему на Загородном проспекте грузовому вагону подошли Михаил Хрисанфович Сорока, возглавлявший в ту тяжёлую пору службу ленинградского трамвая, и начальник службы движения Виталий Немзер.

Разводным ключом Немзер повернул ось контроллера, включил мотор. Вагон вздрогнул! Значит, и впрямь дали ток. Но сдвинуться с места вагону не удалось — он примерз к земле, огромная глыба льда выросла между ним и рельсами. Пришлось ломами разбивать эту глыбу. Немзер снова встал к контроллеру, повернул рычаг — и вагон пошел! Побежал по пустынному Загородному проспекту. Редкие прохожие смотрели на него, как на чудо. Ещё бы! Пошел трамвай! Первый после блокадной зимы! Значит — возвращается нормальная жизнь.

А в трампарках и на улицах, на проспектах Ленинграда трудились трамвайщики. Они отремонтировали десятки километров путей, около пятисот километров контактных сетей, сотни вагонов. И трамвай, простоявший на улицах города 128 тяжелых дней, снова тронулся в путь.

Это было 15 апреля 1942 года.

О защитниках города-героя Ленинграда написано уже много. И о бойцах Ленинградского фронта, и о моряках Балтики, о лётчиках, о рабочих у станков в промёрзших цехах. Всех мы их считаем сейчас героями обороны Ленинграда. В их рядах — и ленинградские трамвайщики. Если весь город — фронт, то и они были фронтовиками. Ведь тогда на трамвае можно было доехать почти до самой передовой линии окопов. И трамвайщики вели туда свои составы. Четверть миллиона бойцов были доставлены ими к местам назначения, тысячи тонн военных грузов, тысячи раненых бойцов отвезены в госпитали. Вагоновожатые работали под огнем противника, под артобстрелами и бомбежками.

Михаил Хрисанфович Сорока вспоминал:

— Более опасного места, чем возле завода «Электросила», не было на всем проспекте. Однажды здесь встал поезд с ранеными. Я был убежден, что фашистские летчики будут бомбить завод, а тут как раз поезд с тяжелоранеными. Ток во время бомбардировок отключался. Отключен он был и в тот злополучный день. Я бросился к телефону, звоню диспетчеру: «Немедленно включите ток на фидере «„Электросила” — Обводный канал». Ток был включен. Вожатый дал максимальный ход. У больницы Коняшина он затормозил. Десятки людей бросились выносить раненых. И в это время до нас донеслись разрывы целой серии бомб, упавших в районе завода. Мы всё же успели спасти бойцов...»

Гитлеровские артиллеристы специально обстреливали трамвайные остановки. Часто снаряды врага попадали и в вагоны. Вагоновожатая В. А. Булканова вела свой трамвай через Кировский мост. Тут и настиг её вражеский снаряд, осколки ударили в грудь, перебили ноги. И все же Булканова, истекая кровью, довела свой вагон до улицы Куйбышева, где пассажиры могли уйти в укрытие. А тяжелораненная вагоновожатая Чуева сумела довести свой вагон в парк. Но выйти на улицу уже не хватило сил...

За самоотверженный труд в годы Великой Отечественной войны 72 ленинградских трамвайщика были награждены орденами и медалями Советского Союза.

Не взирая ни на что бежали, бежали трамваи по улицам осаждённого города. Ко дню снятия блокады их было уже пятьсот. По одним рельсам бежали вместе трудовая и боевая слава ленинградских трамвайщиков.

...Бежит по городу трамвай. Все дальше и дальше уходят его стальные пути. Город строится, разрастается вширь, прокладывает новые улицы. В новые микрорайоны спешат новосёлы — и трамвай за ними. Как же без него? И представить себе такое невозможно!

Рис. В. Орлова

С пакетом

Спешу я в штаб отряда,
Крадусь тропой ночной —
Пакет доставить надо,
Дойти любой ценой!
Во рту от жажды горько,
Два дня уже в пути...
Мне б до того пригорка
Добраться, доползти!
А там, глядишь, до наших
Уже рукой подать.
А там и мрак не страшен
И горя не видашь!..
Затявкала собака,
Послышались шаги.
И вот по дну оврага
Уже спуют враги.
Но есть ещё граната
В запасе, на «потом»...
Патронов маловато,
Но помню я о том,
Что звёздочка зашита
В подкладке пиджака —
Она моя защита,
Мой талисман...

Пока

горит-лучится
У сердца моего,
Плохого не случится
Со мною ничего.
...Разрывы за рекою,
От пуль кипит вода...
Я думаю с тоскою:
«Эх, Пашку бы сюда!»
У Пашки три медали...
Да что там говорить!
Уж мы бы с Пашкой дали
Бандитам прикурить!..
И только так подумал,
Вдруг слышу крик:

«По-одъём!»

И белых словно сдуло
За чёрный окоём.
И тут я вижу Пашку,
Он говорит: «Привет!»
Я руку под рубашку,
А там пакета нет...
И вижу я палатку,
И вижу коек ряд...
— Вставай на физзарядку! —
Ребята говорят.
Звук горна раздаётся,
В окно глядит рассвет...
И гулко сердце бьётся
Там, где лежал пакет.

Рис. Ю. Шабанова

...И рисунки автора

(К 50-летию В. В. ГОЛЯВКИНА)

Девочка играла с папой в города. Я стоял за ними в очереди.

— Оренбург, — сказал папа.

Девочка наморщила лоб. Следующий город должен был начинаться на «г». Она морщила лоб и молчала. Папе надоело ждать.

— Ну вспомни, — сказал он. — Есть такой город, названный в честь известного писателя.

— Голявкин?! — обрадованно воскликнула девочка. На лице её папы отразилось недоумение.

— Что, есть такой известный писатель? — спросил он почему-то у меня.

— Конечно, есть! — сказала девочка.

— Есть, — подтвердил и я.

— Надо же, — произнёс папа, — а я не читал.

Этот разговор я передал Виктору Голявкину. Он решил, что я его разыгрываю. Он не допускает, чтобы кто-то разыгрывал его. Когда ему кажется, что его разыгрывают, он начинает смеяться. Он смеётся так громко и заразительно, что любой собеседник начинает невольно вторить.

Через три минуты уже было непонятно, кто кого смешит.

— В следующий раз думай, что говоришь, — сказал он мне на прощанье. Я лишь кивнул, потому что говорить был уже не в силах, ослаб до предела от безудержного смеха,

которым он меня заразил. В отличие от меня сам Виктор был свеж и полон сил. Я с завистью смотрел на него и думал: «Есть же на свете такие редкие люди, которые владеют тайной смешить людей».

В Ленинграде Виктор Голявкин стал известен как писатель, когда был ещё студентом Академии художеств. В академии опытные преподаватели учили его рисовать и писать картины, а он писал ещё и рассказы, короткие и смешные. Эти рассказы кочевали по студенческим общежитиям, исторгая фонтаны смеха. Никто не предполагал, что происходит рождение замечательного детского писателя. Думали, вот закончит Виктор Голявкин свою академию, станет художником. Будет выставлять рисунки на выставках или иллюстрировать книжки. Он и в самом деле вскоре проиллюстрировал книжку для детей, автором которой был... Виктор Голявкин. Она называлась — «Тетрадки под дождём». И сразу же стал и знаменитым, и любимым детским писателем.

Далеко не всех писателей могут узнать и полюбить по первой книжке. Его же вхождение в детскую литературу было мощным и загадочным. Он никогда не был писателем начинающим, он сразу же стал известным Виктором Голявкиным.

Его повесть «Мой добрый папа»

является, на мой взгляд, одной из самых замечательных книжек во всей мировой детской литературе. Когда она вышла в свет, её читали по радио. Много раз. По ней сделали фильм. Её перевели на многие языки мира. Повесть начинается фразой: «Я никогда не хочу обедать». Она о человеке, который не пришёл с войны. Грустная повесть. Светлая повесть. Очень-очень человечная.

Потом пришёл черёд «Рисунков на асфальте». Книжка о мальчишках, мечтающих стать художниками. Книжка, написанная художником о своём детстве. Когда я читал эту книжку, я думал о том, что художники видят острее, чем мы — обыкновенные люди. Они понимают язык красок и линий. Я думал о том, как художник Виктор Голявкин помогает писателю Виктору Голявкину. Улицы, дома, асфальт, излучина залива, зной, ветры — благодаря писателю и я острее всё это видел, чувствовал, ощущал.

Никто не может определить, насколько мы становимся богаче, прочитав книгу талантливого писателя. Да и как это сделаешь? Одно только ясно: если ты читал книгу запоем, если ты смеялся или плакал над её страницами, твоё сердце научилось любить сильнее, чем прежде. Если тебя восхитил описанный пейзаж, значит, тебе стала доступнее земная красота. Если ты почувствовал музыкальность фраз, заметил ритмику,

то, значит, ты стал на шаг ближе к постижению гармонии. «Ничто ниоткуда не возникает без причины», — утверждали ещё древние. Поэтому личные наши достоинства определяются и тем, сколько мы прочитали в детстве книг, и тем, как мы их читали. Премудрость читать книги открывается далеко не сразу. Но тем, кто очень стремится к этому, она рано или поздно откроется.

Что же касается книг Виктора Голявкина, то у них есть ещё одно замечательное свойство — они и просты и сложны одновременно. Они смешат. Но вдруг ты ощущаешь в горле комок и тебе хочется плакать. Чтобы создать такие книги, нужны большой талант и высокое писательское мастерство.

Возьмите в библиотеках его книги «Мой добрый папа», «Рисунки на асфальте», «Один, два, три...», «Города и дети»... Прочитайте его повести и рассказы. Перечитайте их заново, если вы их уже когда-то читали.

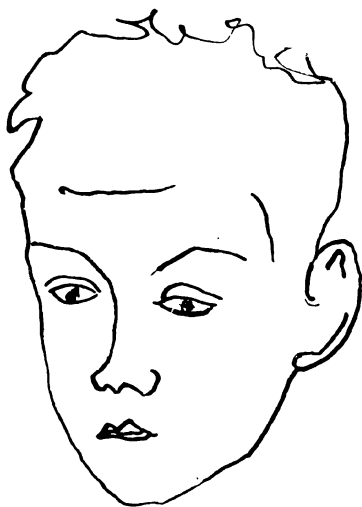
В августе Виктору Владимировичу Голявкину исполнилось пятьдесят лет. Мы, ленинградские детские писатели, гордимся тем, что он живёт в нашем городе. Он многое открыл всем нам в литературе, многому научил. Мы ждём от него новых книг.

И ещё: пусть, как всегда, в его книгах значатся слова: «Рисунки автора».

Геннадий ЧЕРКАШИН

Виктор ГОЛЯВКИН

ВСЁ В ПОРЯДКЕ

(ГЛАВА ИЗ ПОВЕСТИ)

Хороший сегодня день. Замечательный. Пять пятёркок напoлучал. Никогда столько не было. Правда, не все поставили. Но я чувствую, что могли бы поставить. Удачный день — ничего не скажешь. Отличное настроение. С таким настроением я не могу Васю ждать, не могу с ним вместе плестись по лестнице еле-еле. Лучше на улице его подожду. И вылетаю из школы.

На улице дождь зачастил. Но наши ребята играют в футбол прямо под дождём. Я стою смотрю.

Сегодня мне и дождь нипочём. даже нравится. Смотрю, как ребята мяч гоняют прямо по лужам.

Сейчас Вася выйдет, и я ему скажу: «Видал, как надо учиться!» А он обязательно спросит: «Чего?» Никогда сразу не понимает. А я ему объясню: «Думать, брат, надо. А ты всё уроки учишь, учишь, стараешься, а толку мало».

Вот я ему урок покажу. И чего он там копается, столько времени

не выходит. Стою жду и думаю: «Вот сейчас ему шапку на нос нахлобучу, будет он тогда «чего» спрашивать». Совершенно неинтересно ждать такого человека. Но не одному же идти домой с таким-то настроением. Надо обязательно с другом поделиться.

Вдруг мяч мне в лоб как даст! Этот мокрый, грязный, холодный, тяжёлый, как булыжник, мяч, который ребята гоняли по всем лужам! Какое безобразие! Что они там — своих ворот не видят, что ли? С ума, что ли сошли? Я как заорю:

— Вы что, не видите, куда бьёте?

— Да мы нечаянно, — говорят. — Хотели в ворота, а мяч в тебя полетел. А ты бы на ногу взял его, а ты бы отбил его, а ты бы в сторону отскочил в конце концов. Чего ты тут стоишь, — говорят.

Я совсем рассвирепел, бегу на них драться.

А они на меня пальцами показывают и смеются. Потому что всё лицо у меня грязное от мяча. Им смешно. А я не знаю, что мне теперь делать с моим лицом. А они хохочут. Сами виноваты, а говорят, я же и виноват.

Ох и зло меня взяло. Вытираюсь кое-как рукавами. Грязь только размазывается, а ребята ещё больше смеются.

А ведь из-за Васьки всё получилось. Он там так долго копается. Домой с таким лицом невозможно показаться. Да как же домой-то добраться? Все рукава у пальто грязные, а толку мало. Ребята всё равно смеются. Измучился я.

И тут Вася наконец появляется и ко мне подходит. Видит, в чём дело, и вынимает из своего кармана носовой платок. Чистый, белый носовой платок. Вася его берёт и вытирает мне лицо и ещё успокаивает.

— Ничего, — говорит, — незаметно, не волнуйся, — и всё такое.

Вася провожает меня до дома, а я в это время думаю: «Вот так урок! Ведь я же хотел ему урок

показать, а выходит, Вася мне урок показал».

Нечего было мне задаваться. Шёл бы спокойно домой, и всё. А вот остановился — и удар получил. Зря я там стоял, двигаться надо было, а не на месте стоять. Всё время двигаться, что ли? И останавливаться нельзя? Я совсем запутался.

Вася пошёл домой со своим платком. А я кинулся его догонять, сам не знаю зачем. Догнал его и спрашиваю:

— Где твой платок?

— Вот, — говорит Вася. И вынимает запачканный грязью, мокрый, мятый платок.

— Жалко платок, — говорю я. — А откуда он у тебя?

— Мне дома дают платок.

— Извини, — говорю.

— За что?

— За платок, — говорю.

— Ничего, — говорит, — мне другой дома дадут.

Я прибегаю домой и говорю:

— Почему мне не даёте платок?

— Какой платок тебе надо?

— Носовой, конечно, какой же ещё, — говорю.

— А ты сам бери, — говорит мама.

— Где его брать? — спрашиваю.

Мама подводит меня к шкафу и показывает целую гору носовых платков.

— А я не знал, — говорю.

— А ты знай, — говорит мама.

На другой день в каждый карман я положил по платку. Гора платков в шкафу сразу стала намного меньше, — у меня оказалось порядочно карманов. Я ни на минуту не забывал про свои карманы, потому что в каждом был чистый платок. Я вынимал их по очереди и всё время вытирал нос, хотя этого не требовалось, но не зря ведь платок носовым называется. Мне очень нравились мои платки. Один был в клеточку, другие в полоску.

За это я получил в школе замечание: «Весь урок занимался носовым платком».

Дома отец спросил:

— Ты что сегодня такой сердитый?

— Вот, — говорю, — видишь? — И показываю ему замечание. Мне казалось, он должен похвалить меня за то, что у меня при себе носовой платок имеется, и осудить учителя, что он не понимает, как это здорово. — Вот, — говорю, — платки виноваты. — Я вынимаю их все из карманов и бросаю на стол.

— Зачем тебе столько? — удивляется отец. Он собирает все платки и кладёт на прежнее место.

— Что же человеку без платка ходить, что ли, — говорю.

Отец говорит:

— Занимаешься мелочами, вместо того чтобы делать в школе главное — слушать учителя.

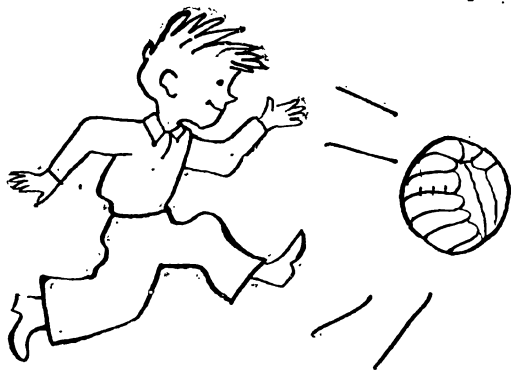
— А вот и нет! — говорю.

— Согласись, что я прав, — говорит отец.

— Почему это ты прав? — говорю.

— Знаешь, — говорит, — такое моё мнение, так мне кажется, такая мысль у меня мелькнула, — и смеётся.

Мне очень понравились последние слова про мысль. И вдруг я почувствовал, что у меня тоже мысль мелькнула. Мелькнула или не мелькнула? Кажется, мелькнула: отец не прав! Я быстро решаюсь с ним поспорить.

— Отец, — говорю я. Первый раз в жизни я называю его «отец», а не «папа». Мне кажется, так лучше звучит, когда имеешь своё собственное мнение. — Я ни за что с тобой не соглашусь!

— Как так? — удивляется папа.

— Платок вовсе не мелочь. А самое главное дело.

И я рассказал ему, как Вася меня выручил. Папа выслушал меня и тоже стал спорить:

— Дело тут было не в платке, а в человеке. В Васе всё дело. Он оказался неплохим человеком: сообразительным, добрым.

Тут я снова почувствовал, что опять у меня в голове мысль мелькнула, и продолжаю спорить.

— Послушай, — говорю, — отец, а что бы делал этот добрый человек, если бы у него платка с собой не было?

— Как сказать, — говорит папа. — Наверное, он что-нибудь бы придумал.

— Вот если бы у него не было с собой платка, тогда бы ему надо было что-то придумывать. Но у него был платок. И это было самое главное дело. Согласись, что это так, — говорю.

Не знаю, согласился ли со мной мой отец. Только он полез к себе в карман и проверил, есть ли у него носовой платок. Платок в кармане был.

Между прочим, я тоже один платок себе оставил в маленьком кармашке на всякий случай. А утром ещё один платок с собой в школу прихватил.

И вот опять я в школе. Спокойно сижу на уроках. Даже ни с кем не разговариваю. У меня всё в порядке. Целых два чистых носовых платка при мне на всякий случай. Вот я и жду подходящего случая, когда вдруг мой чистый платок понадобится.

В тетради аккуратно упражнение пишу, в другой тетради ужасно сложные примеры совершенно правильно решаю. Стараюсь прямо сидеть и не горбиться.

На перемене не бегаю, чинно прогуливаюсь по коридору. Но не дают человеку покоя. Всё время подбегают и дёргают. А один учитель даже спросил:

— Ты что, болен? Нет? Что же ты сегодня ходишь, будто кол проглотил?

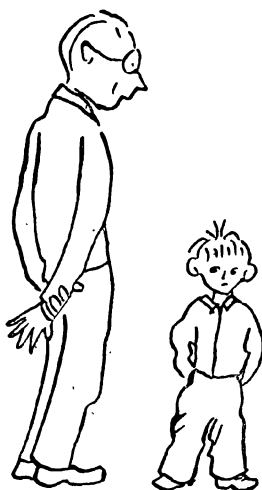
— Какой кол? Никакого кола не было.

— Палку; значит, — улыбается учитель.

— Ах, палку, а я уж об оценке подумал.

— Ну ладно, ладно, иди, всё в порядке, — сказал учитель.

Вот именно — всё в порядке.

На следующем уроке у меня опять мелькнула мысль: «Я всё же аккуратный человек. Я ведь очень аккуратный человек. Я даже самый аккуратный человек в нашем классе, а может быть, во всей школе!»

После этого меня как будто что-то подтолкнуло изнутри, будто какой-то дополнительный моторчик завёлся, и я уже больше не мог сидеть на месте. И ходить больше тоже не мог. Я кинулся на всех драться. Не просто так кинулся, а чтобы всем показать: я самый сильный человек.

Я действительно побил всех, кто попался мне под руку. Только куда же это они разбегаются? Не могут сообразить, что драться надо, сопротивляться, а не разбегаться. Тут я поглядел на свои кулаки и сказал:

— Ну то-то! Кто полезет — получит!

Ребята ничего совершенно не поняли, не сообразили. Но объяснять тут некогда.

Гордый я шёл домой.

В прихожей у нас стоит большое зеркало. Оно давно стоит, но я его почти не замечал, а тут решил посмотреть на себя в это зеркало.

Посмотрел. Вытер пот со лба платком. Волосы поправил. Ещё раз как следует на себя посмотрел. И тут у меня мелькнула мысль: между прочим, я, пожалуй, самый красивый мальчишка из всех, которые тут ходят.

Конечно, это так и есть. Все должны об этом знать. Зеркало осталось стоять на своём месте, а я дальше побежал. Я бежал к Васе, чтобы застать его дома.

Застал.

И тут я сразу увидел, какой Вася хилый. Во рту зуба нет. Какой-то растерянный.

Тут-то я его и решил ошарашить:

— Ты знаешь, говорят, я самый аккуратный, самый сильный, самый красивый человек.

— Кто говорит? — испугался Вася.

— Все говорят. Думаешь, нет?

— Ну да, не может быть...

— А ты что, не видишь, что ли?

— Так не бывает... — лепечет Вася.

Нечего мне с ним больше толко-

вать. Ясно, он ничего не понимает. Ни чуточки.

Ну и пускай дома сидит, а я пошёл.

У кого бы ещё спросить про это самое? Ага, а бабушка на что? Старые люди бывают самые умные. Они всё знают да помалкивают. Потому что никто у них ничего не спрашивает. А вот я и спрошу.

И спрашиваю, как самый вежливый человек на свете. Самые первые слова у меня теперь «пожалуйста» и «извините».

— Скажи, пожалуйста, бабуля...

— Не знаю, не знаю, ничего не знаю...

Я ещё и заикнуться не успел, а она уже глупость мне отвечает.

— Да погоди, пожалуйста, извини... Понимаешь, бабуля, я сегодня избил всех!

— Господи! Не дай бог, — говорит.

— Лезут все, понимаешь. Я всех и раскидал. Я самый сильный, правда?

— Ой, ой, ой, батюшки светы...

— Да не батюшки, не батюшки! Ты на меня погляди: улыбка что надо, зубы все давно выросли.

— Хороший мальчик, — говорит бабушка.

— Говорят, я самый красивый мальчишка!

— Верно говорят, — говорит бабушка. — Умный мальчик, красивый. Зря люди не скажут.

— Бабушка, а это правда?

— Правда, истинная правда, — говорит бабушка. — Я врать не буду.

— Надо маме про это сказать. Скажи ей, пожалуйста, сегодня, бабушка. Скажешь? Да?

— А как же. Скажу дочери... Всё скажу.

— Ну ладно, — говорю, — извини, пожалуйста.

Ну вот видите, всё как есть подтвердилось.

Осталось до ужина подождать. Все сядут за стол. Вся семья в сборе. И бабушка всё, что нужно,

всем объявит. Пускай родители знают, какой у них сын.

Вот наконец собираются. Только отец у себя в комнате задержался. Да и лучше, что его нет. Начнёт шутить. А мне не до шуток. Я человек серьёзный.

Сидим едим. Я пристально смотрю на бабушку. Неужели не понимает, что пора начинать. Всё сначала, что ли, ей объяснять? Толкаю её локтем и смотрю ей прямо в глаза. Она отодвинулась от меня и как ни в чём не бывало продолжает закусывать. Никогда не думал, что у неё такой зверский аппетит.

На ногу ей незаметно наступаю.

Она как вскрикнет и хлеб уронила на пол.

Я, как человек вежливый, кидаю кусок поднимать.

— Вот, пожалуйста... — говорю.

— Молодец, — говорит мама. — Спасибо.

— Я вообще, если хочешь знать, самый вежливый, самый красивый, самый сильный человек.

— Почему? — спрашивает.

— Говорят.

— Кто сказал?

— Весь город говорит. Фу ты, вся школа говорит.

В это время как раз отец появляется. Как всегда, не вовремя. А он, наверно, считает, как раз в самое время.

Интересно, он слышал или не слышал наш разговор?

Говорит:

— Не понимаю, зачем же быть ещё и самым глупым человеком?

Фу ты, слышал, оказывается. Прямо как громом меня сразил.

Мама стала смеяться.

Но я решил не сдаваться.

— Почему глупый? А вот и нет!

— Ну что ты красавец, каких мало, я, положим, сам вижу. Не спорю. Согласен. Но в чём, в каком конкретном деле ты показал свою силу? Расскажи.

Я даже вспотел. Платком своим вытираюсь. Весь красный. Подавился. Закашлялся. «Чего, думаю, отец родной к сыну пристал?»

А он не отстает:

— Нельзя быть просто сильным. Не бывает. Враньё это. Вот если, скажем, отцу или матери какое-то дело трудно, не под силу, не справиться, а сын может их выручить, тогда понятно — он сильный.

— Ну да, — говорю. — Ты не прав. Такого дела не будет.

— Как не будет? Обязательно будет!

— Ты хитренький, нарочно говоришь, чтобы я ждал.

— Подожди немного.

— Дай честное слово, что правда будет.

— Честное слово, будет! Все твои дела впереди.

— А долго ждать? — спрашиваю.

— Недолго. Я постараюсь поскорей.

— Ну тогда ладно, — говорю. — Всё в порядке.

Фу ты! Вытер я последний раз пот с лица. Сразу легче стало. Пока можно жить спокойно.

И чего я, дурак, выдумал, сам не знаю, как это вышло. Извините, пожалуйста!..

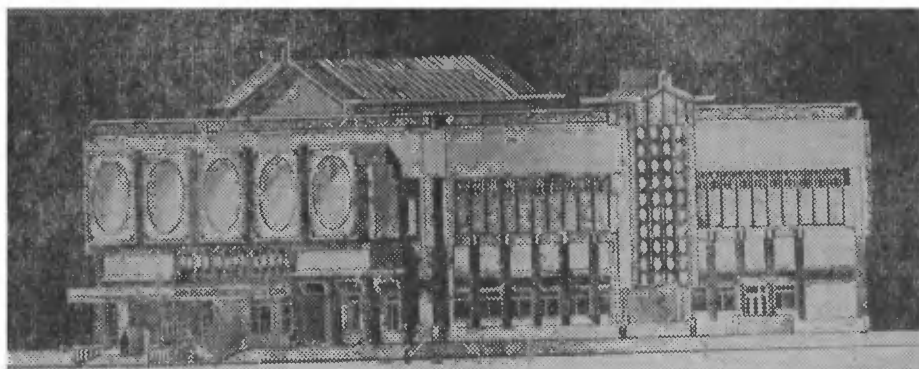
Рисунки автора,

Т. ЗАЗОРИНА

О КОЛО ПЯТИ ЛЕТ назад ленинградским художникам В. И. Короткову и В. Л. Ривину предложили работу над музеем В. И. Ленина в Улан-Баторе — столице Монгольской Народной Республики. Произошло это не случайно. В 1970 году по их проекту уже была сделана экспозиция в Центральном музее В. И. Ленина в Москве. Новый заказ необычен — ленинградские художники стали полпредами советского искусства в Монголии.

ПАМЯТИ АЛЫЙ ЦВЕТ

*Что безбрежней всего на свете?
Все ответят: «Синее небо».
Кто же тот человек, чей разум
необъятней синего неба?
Все ответят:
«Великий Ленин».*

Это стихотворение монгольского поэта Л. Хуушана. С него мы и начнём наш рассказ о музее В. И. Ленина в Улан-Баторе.

...Морозным январским днём семьдесят пятого года В. Коротков приехал в Улан-Батор. На главной площади монгольской столицы, площади имени Ленина, поднимался музей. Пока его стены выросли лишь на метр от земли. Но монгольский архитектор Лувсандорж и советский художник Коротков уже видели его стройное и изящное здание в национальном монгольском колорите, торжественные и нарядные музейные залы. В прорабской комнате они расстелили чертежи и склонились над ними, долго спорили о своём музее. А о том, как идёт строительство, во

всех подробностях рассказывал прораб. Он очень хорошо говорил по-русски. Просто потому, что Алексей Леонидович Заостровцев родом из Колпина. Так ленинградец Владимир Иванович Коротков встретил в далёком Улан-Баторе своего и нашего с вами земляка.

Пока в Монголии, на главной площади Улан-Батора, этаж за этажом росло здание, в Советском Союзе, в центре Ленинграда, лист за листом рождался проект музея. Было сделано около тысячи эскизов и выпущено более пяти тысяч рабочих чертежей.

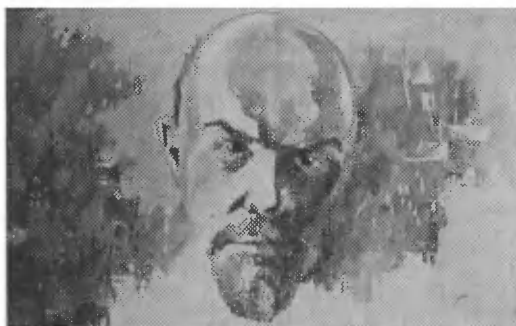
Сегодня здание уже подведено под крышу — с живописным коньком в монгольском стиле. И скоро уже знакомые нам ленинградские художники и конструкторы отправятся в Монголию. Очень много ещё впереди работы. И мы заглянем в завтра...

В музее этом жизнь сама.

Всё дышит верой и мечтой.

Для всех ясны здесь жизнь

и мир

На снимках: Интерьер экспозиционного зала «1905 год». Один из стендов экспозиции — панно «В. И. Ленин». Ленинградские художники В. Л. Ривин и В. И. Коротков.

Фото Ю. Щенникова.

*Души, великой и простой...
...По биографии вождя
Поймешь историю страны.
Для блага всех людей,*

всех стран —

Дела, что ею свершены.

Монгольский поэт Ц. Дамдинсурэн написал эти стихи о музее Ленина в Москве, но их можно отнести и к улан-батырскому музею. Самому большому музею Ленина за рубежом.

Давайте войдем в него...

Экскурсию по завтрашнему музею начинает В. Л. Ривин.

— Четыре зала второго этажа (на первом — административные помещения) — спокойного жемчужно-се-

рого цвета. Их задумчиво-тихое пространство стремительно разрывают проёмы витрин. Они в каждом зале своего цвета — синего, красного, зелёного, бежевого. Эта радуга перекликается с тоном ковров на полу.

А теперь давайте внимательнее взглянем в музейные витрины. Они необычны. Это встроенные застеклённые шкафы-сейфы, в которых бережно хранятся листы бесценных ленинских рукописей. И весь зал — словно храм, сокровищница великой ленинской мысли.

Четыре зала рассказывают о юности Ленина, первых марксистских революционных кружках, о зарож-

дении партии. Дальше идёт повествование о революции 1905 года, первой империалистической войне, Февральской революции. И, наконец, последний зал этажа посвящён приезду Ленина в Петроград, Апрельским тезисам и началу вооружённого этапа революционной борьбы.

Представьте: однотонный цвет стен оживает яркими пятнами светящихся карт и диаграмм. И в центре каждого зала совершенно неожиданные для музея фонтаны, обрамлённые зеленью. Порталы, облицованные гранитом. Приглушенный, мягко люющий свет.

А теперь по парадной лестнице поднимемся на третий этаж. Это один большой зал площадью около двух тысяч квадратных метров. Он начинается рассказом о Великой Октябрьской социалистической революции и кончается рассказом о сегодняшнем дне Советского Союза и Монгольской республики.

Знаете, как шла работа над этим залом? Художники и конструкторы рисовали и чертили бесконечное число вариантов, но всё напрасно: образ не создавался. Огромный зал третьего этажа охватывал историческую эпоху и события масштабов почти необъятных, гигантских по своему всемирно-историческому значению. И тогда авторы выбрали для этого зала единый сквозной образ. Образ, который можно назвать двумя словами: «Победа революции».

В этом зале много красного цвета. Он варьируется от тёмно-красного, почти вишневого, до светло-красного. Он сочетается и с цветом ковра, и с цветом красного сукна на стендах, и с теплыми оттенками гранита и туфа в отделке интерьеров. Это большая красочная гамма тёплых тонов, на фоне которой строится вся экспозиция.

Экскурсию по музею мы попросим продолжить В. И. Короткова.

— В музее будет много художественных произведений. Так, в большом зале опоясывать лестницу будет

гигантский бронзовый фриз, который рассказывает об основных событиях в истории Советского государства и Монголии. Живописны полотна, посвящённые приезду Ленина в Петроград и революции 1905 года.

Это делают ленинградцы.

Художники из Монголии делают большое панно «Штурм Зимнего». Создают аппликативный ковёр. Тема его — дружба советского и монгольского народов.

...Настанет день, и посетители войдут в музей. С интересом остановятся они в зале, где рассказывается о встрече Ленина с Сухэ-Батором.

*А рядом,
у самого стола,
не отрывая глаз,
Глядит Сухэ-Батор
на Ильича,
одет в монгольский хантсу.
Ленин прочёл письмо
и сказал,
придав теплоту словам:
«Привет от меня
монгольской стране:
Россия поможет вам».*

...И тихо будут входить гости музея в зал, где торжественно стоят знамёна дружбы Советского Союза и Монголии.

...Сегодня музей Ленина рождается в Ленинграде. Завтра в него придут монгольские граждане. И это лучшее доказательство дружбы наших народов. Вечности идей Владимира Ильича Ленина.

*Ленинизм —
эпоха
во Вселенной,
Знамя
для грядущих
поколений.*

*Ленин есть
и будет
непрерывно,*

*Общий,
наш, монгольский,
вечный Ленин!*

...Вы знаете, у памяти — алый цвет. Цвет знамён и гвоздики.

ПОСМОТРИ НА КАРТУ. Недалеко от Ленинграда — на северо-востоке — Вологда. Вологда — город древний, исконно русский. Ещё в XII веке упоминал о нём летописец: город возник на пути «из варяг в греки», здесь волоком перетаскивали суда из реки Шексны в Сухону и обратно.

Прекрасна древняя Вологда. Она славится своими архитектурными ансамблями и знаменитыми древними ремёслами, современным машиностроением и судостроением, а главное — своими замечательными людьми.

Знают в нашей стране и Вологду литературную. Когда ты подрастёшь, ты прочтёшь взрослые книги вологодцев — Василия Белова, Виктора Астафьева, Ольги Фокиной... А сегодня мы предлагаем тебе стихи и рассказы вологодцев, которые пишут для детей.

Сергей БАГРОВ

Зелёная Русь

Ласковый тёплый ручей. Луг с пасущимся стадом. За лугом зелёные стаи берёз. По пригорку бежит рокочущий трактор. В бороздах светлоглазые васильки. Куда ни посмотришь — всюду родимая Русь. С чем её можно сравнить? Разве только с сокровищем, самым роскошным и дорогим, которому нет и не будет оценки. И ещё её можно сравнить с наследством, перешедшим к нам от наших отцов. Сквозь толпу торопливо бегущих лет несём мы это наследство. А когда окажемся на черте, за которой путь наш будет оборван, отдадим наследство другим. Это ваше! Берите! И берегите!

Взглянут наши наследники и увидят: стаи зелёных деревьев, реку под закатным лучом, копны сена на берегу, а под самыми облаками — вольных, прославленных птиц, летящих в неведомо дальние страны.

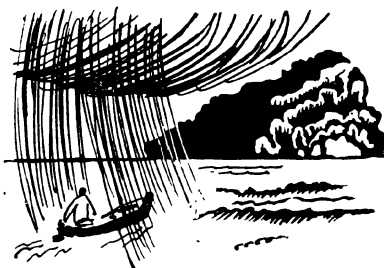
Родина. Дорогая зелёная Русь, та, которую не умом, а лишь сердцем можно постигнуть. Для того и постигнуть, чтоб крепче её любить, заслоняя, как мать, от всех метелей и потрясений.

Николай ДРУЖИНИНСКИЙ

Сходство

*Ромашка на солнце похожа.
Пожо и подсолнух тоже.
А василёк и гвоздика —
На звёзды ночные. Взгляни-ка!
Глаза у людей тоже
На солнце и звёзды похожи.
Горят на улыбчивых лицах.
...А лучики — это ресницы!*

Сергей БАГРОВ

В сторону грома

Ветер взвихрил на улицах пыль и закачал листвою палисадных акаций. Где-то на крыше рвануло железом, захлопало ставнем окна и понесло, закружило курицу над забором. Плеснуло дождём, и тяжело, как раскатив по угору кленовые бочки, прогрехотал нарастающий гром. Запела сирена парома. К причальным мосткам заскользили моторные лодки. По реке вдоль и вкось замечались взмыленно-белые гривы. За пристанью послышался крик:

— Куда же ты, Колька?

— Домой!

— Так потонешь, садовая голова!

Но Колька — высокий, тоненький, в чёрном плаще-«болонье» и высоких резиновых броднях — уже запустил трескучий мотор, и лодку, точно торпеду, бросило на барашки.

Ревёт непогода, ревьёт мотор, унося молодого пловца по взъяренной, как стадо зверей, реке куда-то в сторону грома.

Белые глаза

Ночью ревела гроза, и вода в реке поднялась, заливая пологий берег. К утру непогода уgomонилась, уйдя с громами и ливнями в сторону озера Воже. Над рекой нависла вторая река, вся из девственно-белых туманов. Вскоре белую пелену пробуровил солнечный лучик, подул ветерок, и туман стал капать в реку сеевом влажной пыли.

Колька по колено в воде пробирается к лодке. До лодки Колька не дошёл. Вздрогнул и изумился. На него сквозь воду глядели глаза — нежно-белые, круглые, с фиолетово-розовым посредине. Не поленился Колька. Засучил рукав у рубахи, наклонился и осторожно, словно хрупкую драгоценность, взял находку рукой. И долго смотрел на круглый цветок стрелолиста, с белых крыльев которого на пальцы его руки стекали светлые капли.

Смотрел, не зная, чем объяснить, почему такой хрупкий цветок не могла убить непогода. Откуда в нём столько силы?

Ольга ФОКИНА

* * *

*С вечера планы:
Встать на заре!
Встану да гляну —
Крыши в мокре.
Лютики мокнут —
Чашечки вниз.
Шорох по окнам,
Стук о карниз.
С ветки рябины,
Что над крыльцом,
Щедрый, обильный
Душ на лицо.
Зябко, ознобно!
Белкой в дупло
Снова в укромный
Угол — в тепло.
Дремлется брату,
Спится сестре.
Спите, ребята:
Дождь на дворе.*

Ростислав ПАНОВ

Белые камушки

Косил. Захотелось напиться. Пока пил, ничего не замечал и не ощущал, кроме прохладной, почти обжигающей воды. И только потом увидел, что дно водопадака выстлано сине-красной глиной. А на ней лежали, точно на блюдечке, белые, как снег, камушки.

Чудо-гриб

В сосновом чистом бору на прогалинке я увидел это чудо: большой белый гриб, из шляпки которого, как из земли, высовывалась толстая меловая ножка, а на ней опять шляпка, похожая на кедровую шишку.

Я привёс находку домой и всем показал. Все удивлялись и расходились задумчивые. А назавтра многие потянулись в сосновый бор: всем захотелось отыскать такой же чудо-гриб.

Герман АЛЕКСАНДРОВ

Август

Под шум дождя мне август
порыжелый

Из огорода на ухо шептал:
«Смотри-ка, что ни день, я то
и дело

То огурцом нальюся побурелым,
То помидором, что от солнца ал...
То зеленью стручкового гороха,
То луком, то укропом на гряде...
Я отдаю всего себя до крохи,
Я не истрачусь попусту нигде».

Сергей БАГРОВ

До свидания, гуси!

Берёзовый лог. Листья вверху. Листья внизу. Они светят и утром, и днём, и в полночь. Солнце сегодня тусклее и ниже, но оно ещё греет и даже бодрит. Хорошо под его лучами, словно при бабушкиной улыбке.

На склоне старого лога, что круто спускается к речке, в мохнатых розовых шляпках стоят волнушки. Собирай их, ребята! В кузовки! В подолы рубах!

Под косогором сквозь зелень кустов синее вода. Над речкой качает головками чёрный рогоз. Раздаётся встревоженный плеск. Над рогозом, над верхом кустов, над берёзовым логом взмыло стадо гусей. Белокрылые, рослые, они поднимаются вверх, в глубину сквозного синего неба. Поднялись и летят, построившись в строгий угол. Гордо летят, торжественно, величаво. Ты глядишь на дружную стаю и чувствуешь, как в груди у тебя беспокойно колотится сердце. Улетают гуси на юг. На целую осень. На целую зиму.

До свидания, гуси! Мы будем вас ждать. Мы встретим вас на зелёном майском угоре. Встретим вместе с полой водой на реке, вместе с листьями на берёзе.

Рис. Л. Московского

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА началась для молодой петровской России неудачно. Неопытные русские полки были разбиты шведами под Нарвой.

Пётр хотел отбить у шведов побережье Финского залива, с древних времён принадлежавшее русским, чтобы растущая страна получила выход к морю, но прекрасно обученная и вооружённая, закалённая в боях шведская армия оказалась грозным противником.

После первых успехов король Швеции Карл XII решил, что победа над Россией ему обеспечена. Он уже собирался разделить Россию на мелкие княжества и посадить в каждом верного шведам правителя. Он хотел, чтобы Россия прекратила существовать как единое и сильное государство.

Наступало решительное время — речь шла уже не о выходе к Балтийскому морю, а о том, будет существовать Русское государство или нет. Весной 1708 года шведы перешли русскую границу. Карл XII решил вторгнуться в Россию и идти на Москву...

Мы предлагаем вашему вниманию главы из новой исторической повести Якова Гордина о Северной войне.

Яков ГОРДИН

ГОЛИЦЫН АТАКУЕТ РОССА

Шведы дошли до города Могилёва и остановились. Из Могилёва вели на Москву три большие дороги. Кажется, Карл должен немедленно ринуться на древнюю столицу. Но Карл не двигался с места. Он ждал генерала Левенгаупта.

Левенгаупту было дано задание чрезвычайной важности — собрать в Лифляндии и Курляндии огромное количество провианта и боеприпасов и привести этот обоз к главной армии. С обозом должны были быть подкрепления.

К августу армия Карла не только съела почти все свои продовольственные запасы, но и потратила почти весь свинец и порох. Но этот гигантский обоз — 7000 повозок — двигался очень медленно. А ждать долго на одном месте шведский король не мог. Надо было переходить в новые районы — кормить и людей, и коней.

Карл переправился через Днепр и двинулся вперёд, рассчитывая, что Левенгаупт догонит главную армию на марше...

28 августа шведы дошли до местечка Мелятичи и остановились на

отдых. Отряд генерала Росса из 5000 пехоты и сабель Карл расположил в трёх верстах от своих главных сил и совсем близко от русских. Рассредоточившись, было удобнее кормить коней.

Утром 29 августа Пётр вызвал в свой шатёр генерал-майора Михаила Голицына и генерала Пфлуга.

Разведка донесла о разделении шведской армии, и Пётр решил ударить по войскам Росса. Это была его любимая идея — громить армию врага по частям. Созванный военный совет одобрил решение царя.

Князь Голицын с восемью батальонами пехоты должен был атаковать Росса с севера, а Пфлугу с 30 драгунскими эскадронами приказано было совершить обход и выступить с востока.

Ночью 30 августа батальоны Голицына неслышно подошли к селу, за которым был лагерь Росса. Разведка донесла, что лагерь спит, а дозоры немногочисленны. Росс не ожидал нападения.

Разделив отряд на несколько колонн, Голицын повёл его к шведскому лагерю. Он шёл с первой колонной, держа в руке тяжёлый солдат-

ский тесак. Тесак в рукопашном бою был надежнее шпаги. Батальон преображенцев вёл полковник Преображенского полка — царь Пётр.

Ночь была тёмная и тёплая. Атакующие колонны шли по широкому скошенному лугу. Сзади — у реки Белая Напа — пели лягушки и кричал коростель. Тысячи солдатских башмаков с еле слышным глухим гулом опускались на упругую луговую почву.

Впереди раздались голоса — ехал шведский разъезд. Голицын остановил первую колонну, но кто-то из шведских драгун различил во мраке силуэт колонны. Шведы несколько раз выпалили из пистолетов и помчались к лагерю. Медлить было нельзя. Голицын скоординировал атаку.

Русские колонны ринулись к шведскому лагерю. Там уже началась тревога. Шведы поспешно строились в боевой порядок. Атакующих встретили залпами. Пороховые вспышки выхватывали из темноты угрюмые лица шведских солдат — они понимали, что положение их очень опасно. Враг мог появиться с любой стороны.

После жестокой перестрелки начался штыковой бой. Стало светать, и можно было различить противника. Михаил Голицын с тяжёлым тесаком в руке то бросался в гущу боя, то направлял резервные роты в нужные места. Шведы отступали в полном порядке — но отступали.

Голицын всё время посылал адъютанта на ближайший пригорок — взглянуть, не показались ли эскадроны Пфлуга. Если бы драгуны подошли сейчас, до того, как придёт помощь от главных сил Карла! Тогда отряд Росса был бы уничтожен... Но драгуны не подходили.

30 эскадронов генерала Пфлуга заблудились в темноте среди болот и не успели к бою.

А из главного лагеря уже мчался на выручку Россу сам король с кавалерийскими полками.

Голицын дал приказ отступать.

Отряд Голицына медленно отошёл за реку Белая Напа. Река была неглубокой, и её можно было перейти

вброд. Преследовать русских за реку Карл не стал. Задерживаться для преследования небольшого отряда не входило в его планы. Ведь этот отряд, отступая, мог навести короля на крупные силы, занимающие неприступную позицию.

Вместе с остатками полков Росса Карл вернулся к армии. Шведы потеряли в этом бою около 3000 человек, 6 знамён и 3 пушки.

Батальоны Голицына потеряли более 300 убитыми и 1191 человека ранеными.

Пётр был доволен боем. Он писал в тот день князю Ромодановскому: «Имена ж полкам и сколько с нашей стороны побито посылаю при сём росписи, меж которыми изволишь увидеть, что вручённый мне полк паче иных дело своё исправлял».

Для шведской армии, оторванной от своих резервов, это был тяжёлый удар.

Только прибытие Левенгаупта могло восполнить потери, понесённые в последнее время.

А Левенгаупта всё не было...

«СОЛДАТЫ! СПАСАЙТЕ СВОЕГО КОРОЛЯ!»

Всё вокруг шведской армии горело. Горизонт окаймлён был горящими сёлами. Уходя от неприятеля, жители сжигали дома. От дыма, наполнявшего пространство, трудно было дышать, а солнце казалось маленьким и красным.

Голодные солдаты Карла собирали на несжатых полях хлебные колосья, растирали их в ладонях и ели сырое зерно. На плохих кормах обессилели кони. Начались болезни.

Русская армия упрямо шла рядом — иногда в нескольких верстах от шведского маршрута. Вокруг шведских колонн постоянно реяли отряды лёгкой конницы — башкиры, калмыки, казаки. Отстать от армии для шведского солдата значило погибнуть или попасть в плен.

10 сентября шведы подошли к деревне Раевке. Полки уже стали располагаться на отдых, когда Карл за-

метил недалеко отряд русской лёгкой конницы.

Карл знал по опыту, что если не отогнать и не рассеять этот отряд, то в любой момент можно ждать молниеносного нападения. И он послал эскадрон прогнать или изрубить назойливого противника.

Но казаки уже сообщили своим главным силам о появлении шведов, и к ним на помощь спешили драгуны. Бросившийся в атаку шведский эскадрон был встречен превосходящими силами русской конницы и отброшен с потерями.

Карл пришёл в ярость. Он вскочил в седло и, взяв с собой эскадрон лучшего конного полка — Остроготского, помчался навстречу русским. Но кроме казаков его поджидало уже 1300 драгун.

Началась рубка. Русские обошли фланги шведского эскадрона. К счастью для Карла, он весь был покрыт густой пылью, и в пороховом дыму никто из русских офицеров его не узнал. А то не миновать бы ему смерти или плена. Остроготский эскадрон таял под палашами драгун. Вокруг Карла осталось несколько десятков человек. Он бросался с ними из стороны в сторону, пытаясь прорвать кольцо... Внезапно его конь дёрнулся и стал валиться набок. Карл успел спрыгнуть на землю. Уклоняясь от ударов, король отчаянно отбивался саблей. Он был превосходный фехтовальщик, но понимал, что долго ему не продержаться...

В шведский лагерь прискакал покрытый кровью и пылью кавалерист. От него генералы узнали, что король гибнет.

Генерал Тюре Хорд бросился к лошади. Перед строем второго Остроготского эскадрона он вырвал саблю из ножен и крикнул:

— Солдаты! Спасайте своего короля!

Эскадрон галопом пошёл за ним к месту боя.

Хорд подоспел вовремя. Прорвав окружение, шведы оттеснили от Карла русских драгун. Сверкая зубами на чёрном от гари и пыли лице, Карл весело пожал руку Хорду и вскочил

на лошадь, уступленную ему одним из конников.

— Они недурно дерутся, но надо их проучить! — сказал он генералу и снова ринулся в схватку. Хорд поскакал за ним. Он видел, как король грудью своего свежего жеребца опрокинул одного русского драгуна, хитроумным приёмом выбил саблю у другого...

«Безумец! — подумал Хорд. — Бесстрашный безумец! Ведь когда-нибудь клинок или пуля найдут его! Бедная Швеция...»

Это было последнее, что он успел подумать, — пуля попала ему в голову.

Второй эскадрон погибал так же, как и первый. Лихость и напор короля и его гвардейцев не помогали. Русские драгуны дрались упорно и искусно, обходя неприятеля и атакуя со всех сторон.

На помощь Карлу скакал с несколькими полками генерал Розенштерна.

Русские эскадроны стали отходить, отстреливаясь.

Розенштерна был смертельно ранен.

Итоги боя оказались для шведов печальными. Почти полностью погиб отборный Остроготский полк. Погибли два испытанных генерала. Погибло несколько офицеров...

И всё не было Левенгаупта с подкреплением и обозом.

Карл продолжал движение на Смоленск. Он получил сведения, что Левенгаупт уже перешёл Днепр и скоро присоединится к армии. Но это были ложные сведения. Левенгаупт был ещё далеко от Днепра. И двигался он по-прежнему медленно...

Через сутки после боя при Раевке шведы подошли к городку Татарску. Кругом всё было выжжено.

За небольшой, но глубокой речкой Городней на высотах стояли, закрывая дорогу, русские конные полки. Фронт русской позиции был прикрыт болотами. Карл понял, чего ему будет стоить атака этого рубежа.

Он простоял перед Городней три дня в нерешительности. Впервые за

всю свою блестящую военную карьеру он не знал, что делать дальше.

Ему было ясно, что невозможно идти на Москву по опустошённой земле — без провианта, почти без свинца и пороха, штурмом беря каждую переправу и теряя при этом сотни и тысячи солдат. В этом случае он подойдёт к Москве только со своим штабом, но без армии.

Карл обратился за советом к генералам. Это тоже было впервые. Генералы — Реншильд, Гилленкрон — могли только подтвердить королю, что идти на Москву сейчас невозможно.

Карл решил идти на Украину. Там богатый край — много пищи, фуража. Там поджидает гетман Мазепа, ненавидящий Петра и обещающий всяческую подмогу...

Конечно, в таком положении правильное всего было отойти назад — за Днепр, в Польшу — и, проведя там зиму, лучше подготовиться к следующему походу в Россию. Но Карл был слишком горд, чтобы отступать.

15 сентября 1708 года шведская армия круто повернула на юг.

ЛЕВЕНГАУПТ РАЗГРОМЛЕН У ЛЕСНОЙ

Карл в своей походной палатке беседовал с генералами о Левенгаупте. До этого к Левенгаупту уже было отправлено два гонца, один из которых добрался до него 29 августа, а второй — 8 сентября. Оба они привезли генералу требование короля — спешить! Но Левенгаупту с его 7000 повозок и беспорядками в кор-

пуще трудно было выполнить этот приказ.

14 сентября Карл отправил к нему ещё трёх гонцов. Местность вокруг была покрыта перекрещивающимися маршрутами русских конных разъездов. Тысячи калмыков и башкир рыскали вокруг шведской армии. Поэтому и было послано трое. Если двое погибнут, то доберётся третий. Но шведские курьеры оказались решительными и ловкими — до Левенгаупта доскакали все трое. Они сообщили ему о новом направлении похода — на юг.

Под городом Мглином Карла нагнал гонец от Левенгаупта. Генерал сообщал, что крупные силы русских стараются отрезать обоз от армии. Карл понял, что корпус Левенгаупта

обречён... Он не ошибался. Пётр в самом деле решил ни за что не допустить соединения резервного корпуса со шведской армией.

Пётр сам сформировал для уничтожения Левенгаупта «корволант» — летучий отряд. Царь посадил на коней 10 батальонов отборной пехоты из Преображенского и Семёновского гвардейских полков и двух армейских — Ингерманландского и Астраханского. Это составило 4830 штыков. Кроме конной пехоты в корволант вошли 10 драгунских полков — 6795 сабель.

По донесениям разведки, Пётр считал, что у Левенгаупта 8000 солдат. 25 сентября конный отряд Меншикова настиг арьергард Левенгаупта и в коротком бою взял «языка».

И только тут Пётр узнал, что у Левенгаупта не 8000, а вдвое больше — 16 000 штыков и сабель... При таком соотношении сил дело могло кончиться поражением корволанта и провалом всей операции.

Но Пётр решил атаковать. Пётр был уверен в своих солдатах.

Левенгаупту вовсе не хотелось вступать в тяжёлое, продолжительное сражение. Ему надо было довести до короля свой обоз, поэтому, отбросив преследователей, он отошёл к следующей удобной для обороны позиции и встал там, поджидая Петра. Иногда Левенгаупта охватывало отчаяние, и он проклинал в душе своего короля, заставившего его выполнять столь тяжёлую задачу. Ведь если бы Карл пошёл ему навстречу, то они бы уже соединились, армия была бы надолго обеспечена всем необходимым, а резервному корпусу не грозила бы сейчас опасность...

И всё же Левенгаупт надеялся. Занимая позицию у деревни Лесной, он встал не за рекой Леснянкой, что облегчило бы ему оборону, а перед ней. Он рассчитывал не только удержать русских, но и разгромить их. А река мешала бы ему наступать. Он был человеком решительным и мужественным. И опытным боевым генералом.

Перед деревней Лесной, окружённой густыми лесами, лежала поляна — около версты. На этой поляне и построил Левенгаупт 9 пехотных батальонов и 4 кавалерийских полка. По фронту было поставлено 17 орудий.

В тылу боевых порядков шведы устроили из повозок укрепленный лагерь, 2 батальона и 3 кавалерийских полка ушли с обозом.

Фланги шведского построения были прикрыты густыми лесами. Европейские полководцы в те времена избегали давать сражения на пересечённой местности, в лесистых районах. Они предпочитали ровные открытые поля, где можно было охватить взглядом всю армию — и свою, и вражескую, где легко было маневрировать, где каждый солдат был всё время на глазах у командира.

Поэтому Левенгаупт был уверен, что Пётр сперва выведет все свои силы на поляну и только тогда начнёт строить их для атаки. Тут можно будет оценить возможности противника и ударить в самое уязвимое место его построений. Но шведский генерал не понимал, что он имеет дело с великим полководцем, который не связывает себя чужими правилами, а поступает всякий раз поновому, поступает так, как этого требует положение.

Пётр был очень доволен, что бой будет проходить в лесах. Это давало ему возможность скрыть малочисленность своего отряда. Он разделил корволант на две колонны. По большой дороге к Лесной двигался Меншиков с Ингерманландским пехотным полком и 7 драгунскими полками. Сам Пётр повёл по небольшой боковой дороге через чащу оба гвардейских полка, батальон астраханцев и 3 полка драгун. Вся пехота ехала верхом.

Первым подошёл к поляне Меншиков. Как только ингерманландцы и Невский драгунский полк начали выходить на поляну, шведские части, стоявшие в редком перелеске, ударили по левому флангу. Ингерманландцы и драгуны отошли обратно в лес. 4 орудия остались в руках шведов.

Но в это время справа от наступавших шведов показались батальоны Петра. Густой лес дал им возможность появиться совершенно внезапно.

Пётр не стал тратить время на развёртывание. Слешившийся Семёновский полк, вырвавшись из леса, ударил в штыки. Семёновцев вёл генерал Михаил Голицын с солдатским тесаком в руке. Атака шведов захлебнулась. Преображенцы и батальон Астраханского полка стремительно передвинулись к опушке, незаметно для противника, в сторону меншиковской колонны, ударили неожиданно слева и отбросили шведов. Из леса стали выходить и вступать в бой полки Меншикова.

Перелесок, отделявший место боя от главных шведских сил, не давал

Левенгаупту возможности самому увидеть и понять происходящее. Наиболее выгодное для общей атаки время — минуты выхода русских из леса — было шведами упущено.

Яростно наступая, батальоны и эскадроны корволанта загнали передовые шведские части в перелесок. Бой в лесу был для шведов совершенно непривычен. Оставив захваченные русские орудия и ещё два своих, шведы, теряя строй, отступили к главным силам. И только тут, сообразив, что происходит, Левенгаупт бросил на помощь своим передовым батальонам свежие части и послал гонцов — вернуть войска, ушедшие с обозом.

Начался жестокий рукопашный бой на опушке. Некоторые батальоны сошлись так близко, что не было возможности драться штыками. Пехотинцы рубились тесаками.

Шаг за шагом русские оттесняли шведов.

Наконец Левенгаупт, видя, какие страшные потери несут его войска, отдал приказ отступить на основную позицию.

Пётр для решающего натиска ждал подхода Боура.

Левенгаупт ждал возвращения войск прикрытия.

Кто придёт раньше? Это могло решить судьбу сражения.

Два часа армии стояли друг против друга, ведя сильный огонь.

Около пяти часов пополудни к командному пункту Петра подлетел на коне драгунский офицер:

— Генерал Боур идёт!

Пётр вскочил в седло, бросился на левый фланг — из леса уже выходили покрытые пылью эскадроны Боура. А вот и сам генерал — худой, жилистый, привыкший проводить в седле бесконечные часы. Пётр поскакал ему навстречу, обнял и расцеловал.

Пётр хотел во что бы то ни стало захватить расположенный на правом фланге мост через реку. Это очень затруднило бы шведам отступление. Драгуны атаковали мост одновременно с атакой всего корволанта на неприятельскую позицию. После нескольких залпов русские пошли в

штыки. С левого фланга ринулись эскадроны Боура.

Шведы не выдержали. Мост — в руках русских драгун. Но после небольшого затишья на правом русском фланге показались возвращавшиеся от обоза шведские части. Они шли прямо к мосту с противоположного берега Леснянки. С ходу атаковав драгун, охранявших мост, они взяли переправу.

Стало темнеть. Ветер нёс тяжёлые белые тучи. Выстрелы смолкли, и слышно было, как грозно гудит под холодным ветром лес вокруг поля боя...

Неожиданно — ведь был только конец сентября — повалил снег. Окончательную атаку приходилось отложить до утра. Снежная буря бушевала до рассвета...

В эту ночь Пётр не пошёл в свой походный шатёр. Он вместе с солдатами сидел у костра на снегу, завернувшись в плащ. Он с нетерпением ждал утреннего боя.

А утром русские увидели, что шведов на позиции нет. Левенгаупт ушёл. Он посадил остатки своей пехоты на обозных коней и торопился оторваться от преследования. Порох и пушки шведы ночью утопили в реке. Но весь обоз, собранный с огромными трудами, обоз, который должен был обеспечить Карлу поход на Москву, — попал в руки Петра.

Давно уже Пётр не испытывал такой радости. С меньшими силами он разбил сильный корпус шведов, лишил Карла столь необходимых тому запасов. Теперь шведской армии неоткуда ждать помощи — она неизбежно погибнет. Она навсегда отрезана от западной границы.

Вот она, настоящая проверка его многолетних усилий. Недаром проливалась кровь, горели хлебные поля и деревни. Недаром он, Пётр, не щадил ни сил своих, ни жизни, метался из конца в конец огромной своей страны, забыв про отдых и спокойный сон. Недаром железной, безжалостной рукой гнал он свой народ, своё государство — вперёд и вперёд.

Вот результат — шведы бегут от нас.

Карлу нет спасения.

Он, Пётр, должен щедро наградить тех, кто добыл с ним эту славную победу. Взгляд его упал на князя Михаила Голицына, не успевшего ещё переодеть изодранный и забрызганный кровью мундир. Ведь и он всю ночь бодрствовал, ждал утреннего боя. Как он сражался вчера! Как водил в штыки своих семёновцев!

Пётр положил Голицыну руку на плечо:

— Какой ты хочешь награды за своё усердие?

Голицын опустился на колено перед царём:

— Государь, прости князя Репнина...

Пётр засмеялся и оглядел стоявших вокруг. Репнин, разжалованный за неудачное сражение при Голо-

чине, командовавший в бою под Лесной драгунским полком — и хорошо командовавший, жизни не жалевший, стоял поодаль.

Пётр поманил его к себе, обнял.

— Ну, князь Аникита, вот ты и прежний свой ранг достал!

Репнин бросился целовать руку царя.

А вокруг — на боевом поле — лежали тысячи трупов. Русские и шведы — вперемежку, как всегда бывает после жестокого рукопашного боя. Синие шведские и зелёные русские мундиры намокли от растаявшего снега и казались одноцветными.

Шведы потеряли убитыми, ранеными и пленными около 10 000 солдат. Русские 1111 человек убитыми и 2856 ранеными.

Впереди была Полтава...

Рис. Р. Попова

Борис НИКОЛЬСКИЙ

НЕОБЫЧНАЯ РАСПРОДАЖА

Не так давно в столице Турции Анкаре состоялась необычная распродажа. Продавались стальные нескраемые сейфы с секретными замками, продавались бронированные двери и огнетушители, продавалась мебель.

Впрочем, интерес к этой распродаже был вызван не столько тем, что продавалось, сколько тем, кто продавал.

Свое имущество распродала штаб-квартира агрессивного военного блока СЕНТО. Еще совсем недавно в этих сейфах с хитроумными запорами хранились секретные военные планы, еще совсем недавно сюда, за бронированные двери, стекались шпионские донесения, еще совсем недавно в этих креслах сидели озабоченные генералы... А теперь все это имущество пошло с молотка.

Что же случилось! Может быть, заправили блока СЕНТО решили внести свой вклад в дело международной разрядки! Может быть, хоть и запоздало, но поняли наконец, что, сколачивая подобные военные союзы, предоставляя территорию своих стран для американских военных баз, они играют с огнем!

Нет, конечно, нет. Совсем иные события заставили штаб-квартиру СЕНТО спешно распродавать свое имущество. Было время, когда блок СЕНТО назывался по-другому — Багдадский пакт. Входили в него Ирак, Иран, Турция, Пакистан, Англия. И, конечно, не обошлось дело без Соединенных Штатов Америки. Однако Багдадский пакт назывался Багдадским недолго. В Багдаде началось восстание, восставший народ сверг короля Ирака, сверг диктатуру. Ирак отказался быть участником агрессивного пакта. Багдадский пакт остался без Багдада. Пришлось срочно его переименовывать. Так Багдадский пакт превратился в блок СЕНТО. Но сущность его от этого, конечно, не изменилась.

С тех пор прошло двадцать лет. Теперь главным звеном СЕНТО стал Иран — казалось бы, самый верный союзник Соединенных Штатов. Именно в Иране, на границе с Советским Союзом американцы установили специальное электронное оборудование, с помощью которого шпионили за нашей страной. Именно шах Ирана заказывал в США танки и боевые самолеты на миллиарды долларов. Именно в Иране работали тысячи и тысячи американских военных советников.

Но иранский народ не хотел мириться с таким положением. В стране запылало пламя революции. Спасаясь от гнева народа, шах бежал из Ирана. Вслед за ним восвояси убрались и американские советники. Новое правительство Ирана сразу заявило, что Иран отныне выходит из блока СЕНТО.

Агрессивный блок разваливался на глазах у всего мира. О своем выходе из блока заявили Пакистан и Турция. Блок СЕНТО перестал существовать. Отдал богу душу, как говорят в таких случаях. И потому штаб-квартире уже несуществующего блока не оставалось ничего иного, как распродавать свои сейфы и бронированные двери...

Что ж, а нам остается только пожелать, чтобы подобная участь рано или поздно постигла все агрессивные военные блоки.

Рис. Л. Иванова

ДАВАЙТЕ ЗНАКОМИТЬСЯ

Игорь Куберский — журналист, ему 37 лет, он работает редактором в крупнейшем ленинградском издательстве — Лениздат.

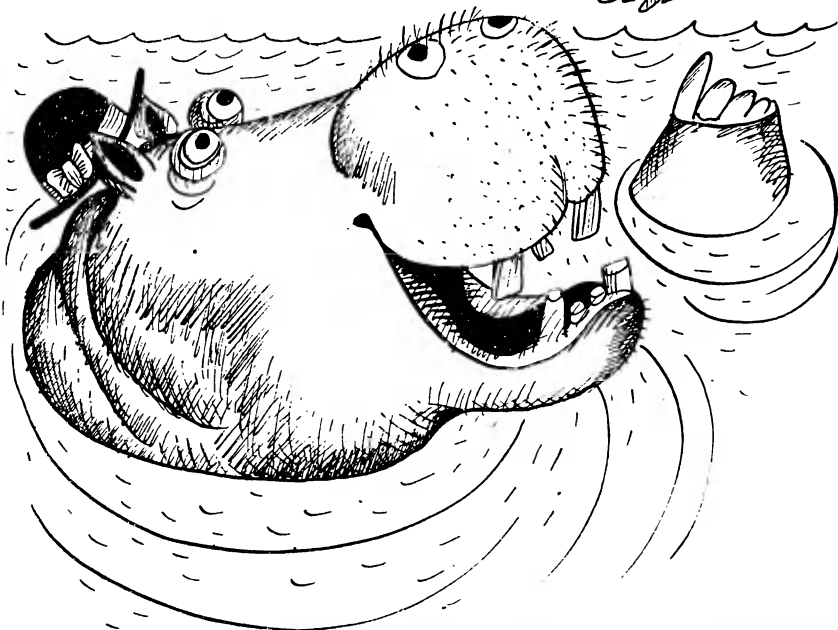
Стихи и рассказы Игоря Куберского публиковались в ленинградских журналах и коллективных сборниках, совсем недавно вышла в свет его первая книга, она называется «Свет на сцену».

В «Искорке» Игорь Куберский печатается впервые. Мы представляем его нашим читателям как переводчика. Он много лет переводит с английского, с особым удовольствием — английскую детскую поэзию. Сегодня мы печатаем в его переводе стихи замечательных английских поэтов — Эдварда Лира, Александра Милна, Огдена Нэша.

Огден НЭШ

Гиппопотам

*Взгляните на гиппопотама —
Ну и видочек, скажем прямо!
Но любопытно мне подчас —
А он какими видит нас?
Живи себе, гиппопотам!
Уж если мы приятны нам,
То облик твой — для глаз отрада
Гиппопотамового стада.*

Александр МИЛН

Александр МИЛН

Ветер

Никто мне не ответит,
Никто и никогда,
Откуда взялся ветер,
Торопится куда?
Вот он летит и свищет
Издавека опять —
И сколько б я ни бегал,
Его мне не догнать.
Но если бы я змея
Под облака пустил,
Летел бы он за ветром,
Пока хватает сил.
И, если б он спустился,
Я сразу бы узнал,
Где этот самый ветер
Невидимый летал.
И про его секреты
Сказал бы я друзьям.
Но вот откуда взялся —
Не понимаю сам.

Пропажа

Кто видел моего мышонка?
Коробку открыл я всего на минутку,
Чтоб только проверить
мышонка-малютку.
И только взглянул — и он тут же
пропал.
Мне кажется, я уже всё обыскал.
Быть может, в квартире он
прячется где-то...
Кто видел мышонка пшеничного цвета?
Дядя Джон, ты не видел моего мышонка?
Такого малюсенького и дорогого,
Ведь в нём, полевом, ничего
городского,
Он будет на улице так одинок!
Ну где он отыщет хоть хлеба кусок?
Он где-то тут рядом. Скажи,
тётя Роза,
Где милый мышонок мой
с вафелькой носа?
Я крышку на миг —
А он тут же прыг...
Неужели никто не видел моего мышонка?

Эдвард ЛИР

Про Поббла, у которого не было пяток

Рис. Ю. Бочкарёва

У Поббла пропали две пятки,
Пропали, увы, без следа.
Ведь сказано было: «Смотри, потеряешь!»
А он усмехался: «Ну да!»
И тётка Друлиса Поббла поила!
Душистой водой из-под банного мыла
И всё говорила: «Да будут в порядке
От этого средства Побблаушины пятки!»
А Поббл, перед тем как остался без пяток,
Решил переплыть Бристольский залив.
Для этого взял он фланели остаток,
Который был ярок и очень красив.
Ведь тётка твердила ему две недели:
«Держать будешь нос в колпачке из фланели.
Запомни, что пяткам не страшен мороз,
Когда колпачок ты наденешь на нос».
И Поббл наш гордо и быстро поплыл,
И, если корабль возникал вдалеке,
Он что было сил в колокольчик звонил,
Держа его в левой свободной руке.
И, глядя, как плыл он в туманные дали,
Матросы друг другу на ухо шептали:
«Он рыбу там ловит для тетки Друлисы,
Верней, для прожорливой теткойной Кисы».
Но прежде чем дно ощутил под ногою
Герой, переплывший Бристольский залив,
Какой-то дельфин снял без всякого спроса
Его колпачок, что был очень красив.
И только он начал ощупывать пятки,
Что были всегда в чистоте и порядке,
Как мысли смешались и сердце упало,
Поскольку две пятки у Поббла пропало.
И никто никогда не узнает,
А времени много с тех пор утекло,
Каким это образом пятки пропали,
И кто совершил это зло.
Быть может, креветки ничтожные или
Морские русалки две пятки стащили?
Никто не узнает, никто никогда,
Как с Побблом такая случилась беда.
И Поббл, который остался без пяток,
На встречном фрегате пустился назад.
И его привезли, а потом принесли
К тётке Друлисе в запущенный сад.
И тётка, конечно, устроила пир:
Там были креветки, бифштекс и зефир...
И тётка сказала: «К чему эти пятки?!
Ведь в мире от них лишь одни беспорядки».

Митя, Тим, Буксир и мама

МИТЯ ЖИЛ в большом рыболовецком посёлке. Сам посёлок, и кинотеатр, и магазин, и почта, и комбинат бытового обслуживания, и Митина школа, и его дом — всё стояло вдоль реки, впадавшей в Белое море, а на краю посёлка было огромное зелёное поле — аэродром. По полю бродили толстые овцы и ничья лошадь, гнедая, с белым хвостом и белой гривой, очень красивая.

Летом Митя часто приезжал на аэродром на своём «Орлёнке» или приходил пешком — просто так, посмотреть на самолёты и вертолёт, как они садятся и взлетают, выпить томатного сока с булочкой в буфете аэровокзала и поглядеть на пассажиров и ничью лошадь.

Однажды Митя увидел, как к ничьей лошади подошёл какой-то дядька, покормил её хлебом и погладил по морде. В другой раз оказалось, что этот дядька — лётчик, в лётной форме, но через плечо у него висела обыкновенная тряпочная сумка,

из которой торчала какая-то палка. Лётчик покормил лошадь, та ему кивнула, лётчик тряпкой вытер лошади спину и бока, после, без седла и уздечки, вскочил на неё, лошадь весело заржала, и лётчик шагом пустил её к холму, а потом через холм — наверное, к реке. «Ну, дела, — подумал Митя. — Вот тебе и ничья лошадь».

Когда Митя перебрался через холм и подошёл к реке, лошадь уже стояла в воде далеко от берега, а лётчик, сидя на ней, достал из сумки свою палку, чего-то там такое с ней поколдовал, она сделалась большой, длинной и Митя сразу сообразил, что это удочка, хотя и непонятная.

Вскоре лётчик, не слезая с лошади, поймал сначала одного большого хариуса, потом другого, спрятал их в сумку, и тут громкоговоритель аэродрома объявил на всю реку, что лётчика такого-то просят зайти туда-то.

Митин лётчик тут же пулей вылетел на лошади из реки, увидел Митю, сунул ему в руки свою чудную удочку и сумку с рыбой и, крикнув что-то на бегу, умчался. Лошадь пошла за лётчиком.

А в небе скоро появился маленький самолётчик Ил-14 и, покачив Мите крыльями, исчез далеко за лесом.

Митя долго рассматривал удочку и наконец сообразил, почему она была сначала вроде палки: удочка была устроена, как антенна у приёмника, и по частям пряталась сама в себя, колено за коленом, а на конце каждого колена было колечко, чтобы через них пропускать жилку от катушки до кончика тонкого хлыстика, вот и получалась палка. Очень даже удобно.

Митя аккуратно сложил удочку, закрепил на катушке крючок и стал ждать лётчика. Но так и не дождался.

На другое утро Митя снова пришёл на берег реки возле аэродрома с удочкой. Скоро появился лётчик.

— Здравсьте,— сказал он Мите.— Ты тут?

— А где твоя лошадь? — спросил Митя.

— Если бы моя,— вздохнув, сказал лётчик.— Она ничья, общая.

— И хариусы её не боятся?

— А чего им бояться? Наоборот, они её любят.

— Ну уж будто!

— А что? На неё вон сколько разных мух и слепней садится. И она их хвостом сбивает, и я ей помогаю. А хариусы тут как тут — хватают мух, упавших в воду. А тут и я — муху на крючок...

— Да-а,— сказал Митя.— Ловко. Там, подальше от берега, хариусы крупные.

— Верно,— сказал лётчик.— И мне туда без лошади удочку никак не забросить.

— А если в высоких сапогах забрести? Там же мелко.

— А если вдруг меня самолёт вес-ти позовут, как вчера? Не-е, я тогда высокие сапоги снять не успею...

— А у тебя есть кто-нибудь на свете кроме тебя? — спросил Митя.

— ...Есть,— ответил не сразу лётчик.— Есть. Мама у меня есть, на Бармалеевой улице.

— Смотри-ка, как и у меня. А это где — Бармалеева улица?

— Это в Ленинграде.

— А ты живёшь здесь?

— Нет, я там живу. А здесь я работаю.

— А чего здесь, а не там?

— Ну-у, как тебе сказать... Сначала я был лётчиком, а потом ушёл в водолазы, а после опять стал лётчиком, вернулся. А начальство... ну, наше, лётное... на меня задним числом обиделось и послало работать сюда, на маленький аэродром.

— Не повезло тебе,— сказал Митя.

— Отчего же?! Здесь хорошо. Вон хариусы какие огромные.

— Митя,— сказал Митя, встал и протянул лётчику руку.— Будем знакомы.

— А меня — Тим, Тима, — сказал лётчик и пожал руку Мите.

И тут, как вчера, лётчика Тима по громкоговорителю вызвали лететь на самолёте, хотя на этот раз он был и без формы.

— НУ И КАК у тебя тут жизнь протекает? — спросил лётчик Тим, когда несколько дней спустя он приземлился на своём аэродроме.

— Да ничего жизнь протекает, течёт помаленьку,— сказал Митя.— Скоро в школу.

— Раз тебе скоро в школу, надо бы нам, брат, сходить за грибами, а то ты потом каждое утро будешь занят наукой. Знаешь грибные места?

— Знаю, здесь все места грибные,— сказал Митя.— Я вот только искать их не умею.

— Кого?! Грибы?! Ну, это, брат, просто. Как это не умеешь?!

— Потом расскажу,— подумав, сказал Митя.— Значит, Тим, кто у тебя есть? Мама... и всё?

— Мама и все.

— А... жена?

— Нету жены.

— Понятно, — сказал Митя. — Ладно. Пойдем завтра за грибами.

ГРИБОВ-ТО БЫЛО ПОЛНО. Решено было брать только особо великоленные грибы: белые боровички и очень маленькие красные грибки — подосиновики. Тим довольно скоро набил грибами полную корзину. У Мити, наоборот, ничего не получалось — в корзине прыгало всего несколько грибов. Скоро Мите надоело искать грибы, и он уселся на низенький пенёк.

— Вставай! — сказал Тим. — Ты же на грибе сидишь!

— Врать-то, — сказал Митя, но всё же встал. Обернулся...

Вот это был грибочек! Большой, толстый, с толстенной бурой ногой, и крепкий — как стульчик для пианино.

Народу на улице в посёлке никого, как назло, не было, и Мите не удалось пофорсить своим великаном-боровиком.

Митя жил в самой настоящей двухкомнатной квартире, в длинном двухэтажном двенадцатиквартирном доме.

— Да ты не стесняйся, — говорил он Тиму. — У нас нормально. Вот «Орлёнок», велик мой, кошка вот — Пушина, то есть Пушинка. Чаю хочешь? Вот чай.

— Не в этом дело, — говорил Тим. — Я вообще в гости ходить не умею.

Вдруг пришла мама. Она оглядела комнату и сказала:

— А это ещё кто?

— А это лётчик, Тим его зовут.

— А чего он без формы, если он и правда лётчик?

— Ну, как это «чего»? Мы за грибами ходили.

— Одну минуту, — сказал Тим. — Я сейчас. — И вышел.

— Куда это он? — спросила мама, поправляя на светлых волосах цветастую косыночку.

— Не знаю, — сказал Митя.

— Вот он, — сказала мама, поглядев в окно. — Убежал. И грибы из корзины сыплются.

— Это всё ты, — сказал Митя. — Эх, ты, мама. — И вздохнул. Потом вышел из дому и подобрал за Тимом с десятком крепеньких боровичков, а когда вернулся, мама уж мчалась обратно на работу.

РЕКА ВПАДАЛА В МОРЕ километрах в семи ниже посёлка. На берегу моря Митя и Тим уселись прямо на песок, было тепло и тихо. Митя достал из кармана три голубеньких билетика.

— Это что? — спросил Тим.

— В кино, — сказал Митя. — Это я купил. Сам. Пойдёшь?

— А кто да кто?

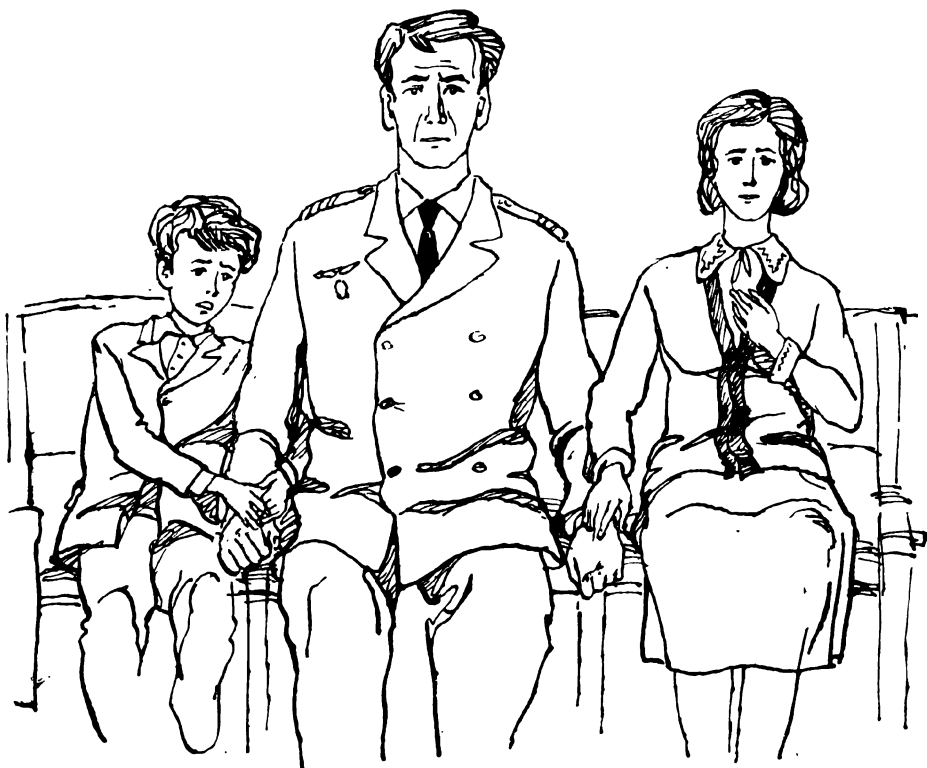
— Ты, я и... ну, один паренёк из нашего класса.

— Ладно, — сказал Тим. — А когда?

— Сегодня в семь.

Вскоре на Митину закидушку попалась вполне приличная камбала, потом ещё одна и ещё.

— Ну ты мастер, — сказал Тим

Мите. — Вот бы ты так и грибы стриг в тайге.

— Это — да, не умею, — не обижаясь, сказал Митя. — Я здесь недавно живу. Мы на Украине жили, там степи и совсем мало грибов, а на закидушку я там ого каких сазанов ловил.

— Значит, ты новенький тут, как и я? — сказал Тим.

— Ну да. Мы долго в степи жили. И папа жил, и мама, и я. А потом папа вернулся сюда и нас забрал, он сам из этих мест был, тутошний... Потом утонул. Вот в этом самом море. — Митя обвёл рукой бескрайнюю воду.

Тим снял рубашку: стало жарко. Митя поглядел на него и тоже снял свою. Молча они позагорали. Потом Митя сказал:

— Эх, купаться пора. Жарища-то!.. Я не боюсь купаться в этом море.

Он снял кеды, брюки и, помахав Тиму рукой, побежал к морю и побрел от берега по мелкой воде. Тим,

покачивая головой, зарыл в песок начатую сигарету, разделся и побежал за Митей.

В КИНО ТИМ МАЛЕНЬКО ОПОЗДАЛ — уже шёл журнал. Он нашёл свой ряд и, пробираясь согнувшись, увидел, как Митя поманил его рукой; перед Митей сидел мальчик, за Митей — пустое Тимово место, а потом — какая-то тётя.

— Оpozдал, брат, — садясь, шепнул он Мите. — А это твой дружок из класса?

— Тише ты, — шепнул ему Митя. — Ты кино смотри.

— Здрасьте, летчик, — сказала тётя слева... Тим повернулся и увидел Митину маму.

— Здра-асьте, — сказал Тим и покраснел в темноте.

— Куда же это вы тогда сбежали? — спросила мама.

— Да я не сбежал, я... не сбежал... а дела всякие... в общем...

— Ладно, — сказала мама. — Вы кино смотрите.

— Буду,— кивнув, сказал Тим и стал смотреть фильм про одного французского красивого дядьку XVII—XVIII века, который помогал бедным и напропалую сражался с богатыми, пока его гады-богатые не повесили. Когда дядька-француз совершал фантастические героические подвиги, все ребята в зале — и Митя тоже — кричали и хохотали над богачами, а Митя иногда хватал Тима за руку и сжимал её. А когда героя повели вешать на виселицу, Митина мама тоже схватила Тима за руку и так сидела, вцепившись в Тима, до самого конца кино, а Тим сидел весь бледный и не шевелился.

Когда все они выходили из зала, Тим спросил шёпотом у Мити про мальчика, сидевшего рядом с Митей:

— Это дружок твой, да? Из класса?

— Да нет,— сказал Митя.— Он, этот, не дружок... он, ну... это... просто какой-то незнакомый. Дружок-то хотел пойти... Ну, в общем...

— Понятно,— сказал Тим.— Другой мальчик.

ЧЕРЕЗ ДЕНЬ Тим впервые, как стал здесь летать, зашёл на почту дать своей маме телеграмму ко дню рождения. Он нашёл на століке бланк и написал: «Нежно целую поздравляю желаю здоровья счастья твоей Тим». Не глядя он протянул телеграмму в окошечко.

— Кого же это вы так нежно целуете? — спросила девушка за окошком. Тим поглядел и увидел... Митину маму.

Он сказал:

— Маму целую.

— А-а. Простую телеграмму давать или на жэ-семнадцать «Сирень»? — спросила Митина мама.

— На жэ-семнадцать «Сирень».

Она сосчитала, сколько это будет стоить, Тим заплатил и вышел.

Он покурил, сидя на крылечке почты, потом, вздохнув, вернулся и долго разглядывал поздравительные открытки для телеграмм.

— А можно не на жэ-семнадцать «Сирень», а на ка-двенадцать «Розы»? — спросил он.

— Можно,— сказала Митина мама.— Приходите вечером чай пить.

— Если удобно — приду,— сказал Тим.— Прошлый раз я очень-очень торопился.

— А зачем при вас сейчас уточка? — спросила мама.

— Ловить иду.

— И Митя с вами идёт?

— Со мной,— вздохнув, сказал Тим.

— Вы бы лучше голову ему намылили,— сказала мама.— А то у него в прошлом году всего две пятёрки было и две четвёрки, а остальные — тройки. Стыд!

— Хорошо, намылю,— сказал Тим.

— Вы с берега ловите, с лодки не ловите, мало ли чего — речка у нас быстрая.

— Мы с лошади ловить будем,— сказал Тим.

— С какой такой лошади?!

— Ну... с моей.

— Что ещё за лошадь? Как её зовут?

— Её? Не знаю... Буксир её зовут.

— Смотрите у меня,— сказала мама.

ТИМ И МИТЯ накормили Буксира хлебом с солью и морковкой и после залезли на него и поехали вдвоем верхом — Тим спереди, держась за гриву Буксира, Митя сзади, держась за Тима. Буксир вёз их шагом по узкой тропе вверх по реке. Митя сказал Тиму, что там, наверху, и хариусы крупнее, и течение быстрее, и вообще — кругом сосны, берега высокие, белые и розовые отвесные скалы и камни — красотища дикая.

— А ты скоро, Тим, улетишь?

— Скоро. Завтра. И послезавтра. Всё летные дни.

— Да я не об этом. Скоро ты вообще улетишь? К себе, на Бармалееву улицу.

— А я и не знаю. Не скоро, наверное. Как прикажут. Начальство.

— Тогда ладно,— сказал Митя.— Смотри, видишь, впереди камни в воде? Тут и будем ловить.

Хариус вскоре стал попадаться

приличный, но ловить верхом вдвоём было неудобно, какая уж тут ловля, если друг другу мешаешь и снасти путаются. Тогда Тим слез ловить с камней, а Митя остался один верхом на Буксире.

Через час Тим сказал, поглядев на берег:

— Смотри, кто.

Митя скосил от поплавка глаза и увидел маму. Она стояла на тропе с корзинкой в руках.

— Мужчины! — крикнула она. — Я вам еды принесла. Идите поешьте!

Когда Буксир увидел в руках у мамы кусок хлеба с маслом, он, заржав, пулей дунул поперёк реки к берегу и сбросил Митю в воду. Воды здесь было выше пояса, течение сильное, и Митю поволокло вниз. Несколько раз он пытался встать, но его опять сбивало струей и опять волокло. Мама что-то кричала, ржал на берегу Буксир, а Тим, кинув на камни свою удочку и бросившись в воду, уже плыл, стараясь обогнать течение, за Митей. Он догнал его метров через пятьдесят и, обхватив поперёк одной рукой, другой с трудом выгреб к галечной косе, где было совсем мелко, а струя слабой.

— Дураки какие! — кричала мама. Она уже была рядом. — Вот ведь оболтусы сумасшедшие! Идите домой! Сухнуть! — И она поддала сзади ладошкой и Мите, и Тиму. — Тьфу ты! Тоже мне — один пионер, другой — лётчик!

Тим совсем растерялся. Он забрал удочку, сложил её, и они с Митей, как маленькие, побрели, мокрые, к посёлку, Буксир вяло плелся впереди, а мама их всех подгоняла.

На краю посёлка Тим хотел улизнуть, но мама это заметила и подтолкнула его обратно, чтобы Тим шел куда надо. Дома она включила большой обогреватель, велела им сушиться, а сама ушла на кухню ворчать и делать обед и чай с малиновым вареньем.

Тим и Митя сидели, завернувшись в одеяла — мама так велела — и иногда переглядывались и глупо хихикали. Когда они потом оделись, пришла мама и принесла грибного

супа, картошки с тушёнкой и чаю.

Опершись подбородком на ладошки, она долго сидела за столом, глядя, как они молча едят, а потом сказала:

— Ладно уж. Ловите. Только с лошади — не позволю! Да и лошадь может простудиться, недотёпы!

— Строгая какая, — в сторону сказал Тим.

— Строгая не строгая, а вы вот намылили Мите голову, чтобы он поменьше троек получал?

— Нет, — сказал Тим честно. — Не намылил. Позабыл.

— А чего мне голову мылить-то? — обиделся Митя. — Я теперь без троек учиться собираюсь. Я решение принял.

— Вот видите, — сказал маме Тим.

— Я ему и верю и не верю, — сказала мама. — Мало ли что решение? Ему всё время нужно голову мылить. Тут нужна твёрдая рука, не то что у меня.

— У тебя твёрдая, — сказал Митя.

— Иди-ка ты, твёрдая рука, и положи рыбу в погреб: в холодильник не влезет, — сказала мама.

— И мою туда положи, — сказал Тим. — Больше будет.

Митя побежал во двор, в погреб, а мама сказала:

— Тим. Чудное какое имя.

— Не чудное. Тимофей, вот и всё.

— А я Маруся,— сказала мама.— А большой город Ленинград?

— Довольно-таки большой.

— Не была ни разу,— сказала мама Маруся.

— Вот и приезжайте, гостей будете.

— Куда же я к вам поеду, когда вы тут?

— И тут приходите, гостей будете. А потом и в Ленинград.

— Ну уж будто!

— Когда начальство вернуться прикажет.

СКОРО МИТЯ пошёл в школу, а Тим улетел в рейс на недалёкий отсюда, километрах в ста, такой же аэродром, с того — на следующий, с того — ещё дальше, потом ещё — прыг-прыг-прыг! Улетел и после не возвращался ещё несколько дней — погода совсем поломалась и стала нелётной. Удочку он, конечно, с собой не взял, и ему было вовсе скучно. Небо всё было в тучах, шёл гадкий холодный дождь.

На четвёртый день он попросил девушку-телефонистку на аэродроме соединить его с почтой своего посёл-

ка. Не сразу, но ему ответили, и он сказал:

— Можно Марию?

— Какую такую ещё Марию?

— Ну... Марусю,— помолчав, сказал он.

— Я Маруся. А это кто?

— Тим, лётчик.

— Здравсьте, лётчик. Куда это вы улетели?

— Да погода дикая какая-то — не вернуться. А как там Митя поживает?

— Ничего поживает. Вам спасибо. Две четвёрки, две пятёрки, да еще по тем наукам, по каким тройки были. А сейчас троек нет пока.

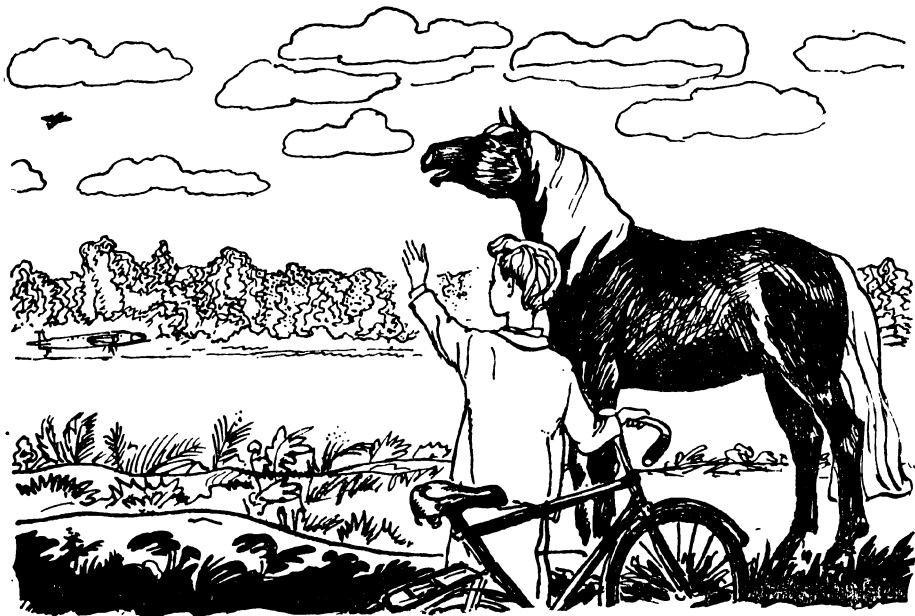
— Я ему голову не мылил,— сказал Тим.

— Всё равно спасибо. Это он из-за вас подтянулся.

— Как это из-за меня?!

— Не знаю. Пример берёт, что ли. Ну, прилетайте, а мне работать пора.— И она повесила трубку.

ДЕДЫ-РЫБАКИ ВЕРНУЛИСЬ с лова, и один сказал, что видел такое облако, тучку, по которой ясно — погода наладится. Так и случилось, и Митя поехал на «Орлёнке» на аэродром — ждать Тимов самолёт. Он

покормил Буксира, Буксир поел, потом заржал и закивал Мите головой, после вытянул голову в ту сторону, где за лётным полем начинался лес, и сразу же в небе над лесом появился и стал увеличиваться, садясь, Тимов самолёт...

— Ух ты, ну и тучи были,— говорил Митя, когда они шли к посёлку — Я думал, ты уже никогда не вернёшься.

— Да я и сам напугался,— сказал Тим.— Целыми днями — дождь. Потоп.

— Слушай,— сказал Митя,— а если бы я тогда один упал в речку — ну, когда мы с тобой хариуса ловили,— спасся бы я сам или утонул? Ты как думаешь?

— Думаю, спасся бы. Наверняка.

— А мама считает, что это ты меня спас.

— А ты сам-то как думаешь, спасся бы?

— А я то так думаю, то эдак,— сказал Митя.— А Буксир тебя еще в воздухе узнал.

— Хороший конь,— сказал Тим.— Как учёба?

— Да пока ничего себе — троек нет. Мама считает, что это ты на меня повлиял.

— Ну? Каким образом?

— А голову мне мылил!

Оба они рассмеялись, Тим стал сворачивать вправо, к себе домой, Митя слегка потянул его обратно — к себе, и Тим пошёл за ним.

Потом они долго обедали с мамой Марусей, пили чай, а после Митя заставил Тима рассказывать разные истории, какие случались с ним в воздухе и под водой, особенно историю про то, как Тима укусила акула, хотя Митя слышал об этом уже сто раз. А сто первый раз он не дослушал — уснул на диванчике, где сидел. Тим шёпотом сказал маме Марусе, что пойдёт, поздно уже, и она спустилась вместе с Тимом на улицу его проводить.

Почти стемнело. Маруся вдруг сказала:

— Смотрите, вон кто!

Тим поглядел и увидел на фоне светлеющей закатной полоски голо-

ву, шею и хребет Буксира. Тим окликнул его, и Буксир тихо заржал.

— Он вас встретить пришёл, ваш пароход,— сказала Маруся.

— Хороший конь,— сказал Тим.— Давайте прокачу.

— Да вы что?! — сказала Маруся.— Без седла, без уздечки. Да я вообще не умею.

— Он удобный, как кресло,— сказал Тим и ловко поднял и усадил Марусю бочком на Буксира, потом запрыгнул на коня сам.

Буксир медленным и аккуратным шагом довёз их до реки, и они постояли немного, не слезая с лошади, глядя на мерцающую в темноте, тихо шуршащую, холодную воду. После вернулись к дому. Тим помог Марусе слезть, попрощался, и Буксир повёз его домой.

КАК-ТО РАЗ, через несколько дней, только Тим вернулся из рейса и вошёл в деревянный домик аэропорта, его попросили к телефону. Тим очень удивился, но трубку взял.

— Это Тимофей? — спросил женский голос.

— Какой Тимофей?! Ну да... Тимофей, Тим,— сказал он.

— Здравствуйте, это Мария говорит.

— Мария?! Какая...

— Это Маруся говорит, Митина мама.

— А-а... Здравствуйте, Маруся. Вы откуда?

— Как откуда?! С почты. Что же вы молчите, к нам не заходите, а?! Эх вы, лётчик Тим! Неужели трудно было зайти и сказать, что так, мол, и так, и всё рассказать. Я пока ничего Мите не сообщила, он бы расстроился, что вы сами...

— Ничего не понимаю, Маруся! — сказал Тим, но она уже повесила трубку. Тим постоял немного, глядя, как маленький, на глупую телефонную трубку, тут ему вручили телеграмму; он, не вешая трубку, прочел её и всё понял.

Его отзывали работать в Ленинград.

...Телеграмма пришла ещё вчера утром, когда он был в рейсе, Мару-

ся, видно, сама её принимала. Почему её не вручили ему вчера вечером, когда он прилетел, или сегодня, когда улетал, было непонятно. Конечно, он сразу бы зашёл к Мите и Марусе, рассуждал Тим, шагая к дому переодеться. Потом пошёл на почту.

— Маруся, — быстро сказал он, входя. — Я только сейчас получил телеграмму. Прилетел и получил. Вернее, поговорил с вами, потом получил.

Прикрыв глаза ладошками, она сначала ничего не ответила, после сказала:

— Я сама догадалась, когда говорили по телефону. — И поглядела, хмуро как-то улыбаясь, на Тима. — Ну, когда летите? Когда Мите скажете? Буксиру?

— Лететь завтра. Сегодня Мите скажу. А Буксиру...

— Что ж, приходите к ужину, ждать будем.

— Спасибо, — сказал Тим.

В САМОЛЁТЕ НАЗАВТРА, навсегда улетая, Тим, закрыв глаза, вспоминал ужин, тёплые руки Мити, обнимавшие его за шею, когда он в какой уже раз рассказывал про укусившую его акулу, Марусю в косыночке — то снимёт косыночку, то снова наденет... На лётном поле сегодня он попрощался сначала с Буксиром, потом уже с Митей и Марусей. Митя подарил ему дощечку, на которой он выжёт Буксира и надпись — «Тиму от Буксира», а Маруся — шарф — ему и две пары варежек — ему и его маме, всё собственной вязки. С Митей они попрощались по-мужски: долго хлопали друг друга по спине и смеялись. После Маруся трясла Тимову руку — трясь-трясь-трясь, а когда перестала и начала свою выдёргивать, Тим не дал и долго тряс теперь её руку сам, а потом неуклюже поцеловал её по разу в каждую красную щёку.

Он летел на маленьком самолётике, потом пересел на лайнер, потом,

уже в Ленинграде, на автобус, на трамвай... Ещё сегодня утром он бродил вдоль быстрой реки, среди белых и розовых скал...

«Увидимся! Ещё увидимся! Обязательно», — говорили на лётном поле и он, и Митя, и Маруся...

НЕДЕЛИ ЧЕРЕЗ ТРИ Тим купил детскую книжку и решил послать её Мите, но тут от Мити пришло письмо. Он писал, что учится хорошо, без троек, что в его школьной жизни всё в порядке, что грибы он собирать научился, а Буксир куда-то исчез, вернее, не совсем исчез, не навсегда, а живёт неизвестно где и у кого, и лишь иногда приходит на аэродром, постоит, посмотрит и уходит. А чего Тим не пишет? Или он вдруг опять водолаз, или ещё кто, и его нет дома на Бармалеевой улице?

Маруся написала две строчки, что у них один раз выпал настоящий снег, без дождя, холодно, а как в Ленинграде, и носит ли он шарф и варежки.

Дня три Тим составлял в голове письмо, потом два дня писал его, прочёл, письмо ему не понравилось, он его порвал, книжку послал Мите бан-

деролью, а вместо письма — телеграмму, большую, на несколько рублей. В ней он коротко описывал свою жизнь, а в конце писал, что, может, когда у Мити и Маруси будет подряд несколько свободных дней, в праздники, например, они прилетят к нему в гости, а если захотят, то и навсегда — места жить хватит.

— **ПОЕХАЛИ, А, МАМ?! —** говорил Марусе Митя, когда они прочли телеграмму. — Полетим, а?!

— Ох, какой ты... так сразу... не подумав...

— А чего думать?! Чего думать-то, раз человек зовёт!

— Зовёт?.. Какой ты у меня быстрый.

— Ну, давай думать. Только об этом и будем думать. А как это навсегда? А школа?..

— Может, как-нибудь и слетаем, напишем ему, вдруг и полетим.

— Навсегда?

— Навсегда — не навсегда! Вот смешной. А письмо человек ждёт, разве не ясно?

— Да он об этом и не пишет, что письмо ждёт. Он нас в гости зовёт. И ждёт.

— Разве в гости?

С. МАХОТИН

Собака и кошка

*Из дома кошка выбегает,
за ней собака выбегает.
Собаку кошка избегает
и гордо спину выгибает.*

— Ах, что хорошего
в собаке?

Она не может жить
без драки!

— Ах, как досадно, что
у кошки
такие острые ладошки! —

Они торчат себе у стенки
и друг за другом наблюдают,
и каждый день такие сценки
ужасно им надоедают.

*И снится кошке, что собака
её зовёт на сливки в гости.
Собаке снится, что приносит
ей кошка сахарные кости.*

*И вот во сне одна мурлычет,
другая ласково бормочет...
Стишок кончается на этом
и продолжения не хочет.*

Рис. А. Король

(ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПЬЕСА В СТИХАХ)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Женя Пеночкин — второклассник из Ленинграда
 Света Пеночкина — его сестра, дошкольница
 Никита Огурцов — второклассник из деревни Куры-Рябушки
 Бабушка
 Пятю-Шесть — человек с планеты Чудо-Юдо
 Профессор Цветочкин — астроном
 Академик Орбитин — другой астроном
 Рассказчик

Рассказчик

*Однажды,
 наморщив внимательно лоб,
 профессор Цветочкин смотрел
 в телескоп.*

*И были тому астроному
 все звёзды на небе знакомы.
 И вдруг он увидел:
 в созвездии Льва
 какая-то точка мигнула едва,
 сместилась к созвездию Змея
 и стала гораздо виднее...*

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Кабинет профессора Цветочкина.

В комнате освещен только один угол, в котором находится телескоп, трубою выходящий в окно. Рядом с телескопом — письменный стол учё-

ного. Стол завален книгами и рукописями. Тут же, с краю — телефон. Профессор, торопливо и взволнованно бормоча, пишет в журнале наблюдений.

Профессор Цветочкин

*...В четыре пятнадцать
 в созвездии Льва
 какая-то точка мигнула едва...
 В пять десять,
 сместившись правее,
 проникла в созвездие Змея!
 Продолжилась трасса к созвездию
 Пегаса!*

*Достигла созвездий Кита,
 Волопаса!
 В шесть тридцать небесное тело
 Созвездье Стрельца пролетело!*

Смотрит на часы и принимает к телескопу

*А в семь восемнадцать...
Не вижу...
Нет, вижу!
Объект неизвестный значительно
ближе!*

*И я убеждаюсь, что это
скорее всего — не комета.
И я убеждаюсь...*

*Хватает телефонную трубку и то-
ропливо набирает номер.*

*Алло! Извините!
Скажите, у вас академик Орбитин?
Да, да! Беспокоит Цветочкин!
Событие не терпит отсрочки!*

Чуть подождав.

*Василий Петрович?
Товарищ Орбитин?
Прошу вас, взгляните на точку
сейчас она будет смещаться
в квадрате восемьсот девятнадцать!
На небе сияет она, как звезда,
но только летит неизвестно куда.
И я полагаю, что это —
вполне вероятно — ракета!
Прошу на неё поскорее взглянуть,
прошу рассчитать её будущий*

*путь,
прошу сообщить ваше мнение.
Простите моё нетерпение!*

*Кладёт трубку и начинает в нетер-
пении бегать по кабинету.*

*Ужасно волнуюсь... Спокойно...
Итак,
имеется строго проверенный факт:
летит из космической бездны
какой-то объект неизвестный...
Теперь предположим:
в созвездии Льва
разумные тоже живут существа.
И вот захотелось им, скажем,
ракету послать с экипажем...*

*Раздается телефонный звонок. Про-
фессор Цветочкин хватается
трубку.*

*Алло! Наконец-то! Да, да, это я!
Скажите, верна ли догадка моя?*

*В аппарате — голос Академика
Орбитина.*

*Товарищ Цветочкин, вы правы!
Я вам аплодирую! Bravo!
И ваша ракета, сверкая во мгле,*

*с космической скоростью мчится
к Земле.
И скоро, по мере движенья,
в земное войдёт притяженье.*

Профессор Цветочкин

*Скорее!
Расчёты не терпят отсрочки —
нам нужно узнать приземления
точку!*

Академик Орбитин

*Простите,
но точное место
науке, увы, неизвестно!..*

Профессор Цветочкин

*Ах, если б земляне заранее ждали
прилёта друзей из космической
дали!*

*Какие бы песни и речи
Гостей ожидали при встрече!*

Академик Орбитин

*И трасса какая-то странная, право:
с чего бы им рыскать то влево,
то вправо?
Быть может, у них — неполадки?*

Профессор Цветочкин

*Ах, знать бы нам точку посадки!
А вдруг приземлятся они в океан?
Завязнут среди непролазных лиан?
А вдруг они сядут на льдине?
А может, в безводной пустыне?
Конечно же, помощь им будет
нужна!*

Но как же теперь подоспеет она?

Академик Орбитин

*Увы! Приземления место
науке пока неизвестно!*

*Профессор Цветочкин мед-
ленно опускает трубку и склоняется
к столу, в отчаянье охватив голову
руками. Медленно гаснет свет.*

Рассказчик

*А в деревне Куры-Рябушки,
у своей любимой бабушки
этой летнею порой
жили-были брат с сестрой.
Женя Пеночкин и Света
к ней приехали на лето.
Вот уж пятый день подряд
видит бабушка внучат.
...В этот день необычайный
напилась бабуля чаю,*

истопила в доме печь —
пирогам внучатам печь.
И ни бабушка, ни дети
и представить не могли,
что как раз в минуты эти
кто-то, в ломаной ракете,
мчится в сторону Земли...

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Деревня Куры-Рябушки. Жаркое летнее утро. Дом и огород бабушки Лукерьи. На переднем плане — крыльцо. Из дома на крыльцо выходит бабушка с кошёлкой в руке. Смотрит на небо, на огород, сокрушенно качает головой и вздыхает.

Бабушка

Охохонюшки, жара!..
Полить опять пора.
И редиске, и салату
И капусте жарковато.
Я с утра бы полила,
да другие есть дела...
Охохонюшки, досада —

за мукой идти мне надо,
я ж не зря топила печь,
пирогам хотела печь.
...Вот пойду я за мукою,
а не будет мне покоя!
Хоть бы дождичек полдня
поработал за меня...

Бабушка спускается с крыльца. Из дома выскакивает Женя Пеночкин и вприпрыжку сбегает по ступенькам, весело напевая.

Женя Пеночкин

На дворе жара — ур-ра!
Значит, на реку пора!

Бабушка

Ах ты, внучек, ты мой внучек!
Был бы дождик, было б лучше:
без забот и без хлопот
был бы полит огород.
У меня ж дела другие —
печь хотела пироги я...

Женя

Ох, бабуля, испеки!

Бабушка

*Не хватило мне муки.
Вот пойду сейчас за нею,
а полить-то не успею...*

Женя

*Ну, а мы-то — не народ?
Будет полит огород!
Где там вёдра? Лейки где там?
Где капуста и салат?
Выходи скорее, Света!*

Бабушка

Эти дети — чистый клад!

Бабушка уходит, покачивая кошечкой. На крыльце появляется Света Пеночкина. Хныча и причитая, спускается с крыльца.

Света

*Ни минуты нет покоя!
То одно, а то другое:
то ложись, а то вставай,
то иди и поливай!
Надоело это лето!*

Женя

Ну чего ты хнычешь, Света?

Света

*Комары весь день кусаются,
и никто не заступается!
Заползают муравьи
прямо в тапочки мои!
А вчера гулять ходила
и в крапиву угодила!*

Женя (удивленно)

Здесь крапива? Ерунда!

Света (запальчиво)

*Есть крапива у пруда!
Мне опять не верят, значит?*

Начинает хныкать сильнее. В огороде появляется Никита Огурцов — сосед.

Никита

*Почему ребёнок плачет?
Говорите, в чём беда?*

Света

*Завезли меня сюда!
Пятый день уже проходит —
ничего не происходит!*

Никита (загадочно)

*А сейчас — наоборот:
кое-что произойдёт.
Вот вам — фокус знаменитый...
Роется в карманах, что-то незаметно перекладывая.*

Женя

*Помоги ты мне, Никита!
От её дошкольных слёз
я уж столько перенёс!*

Никита (закончив приготовления).
Что я вынул? Угадай-ка!

Света (разочарованно)

Ну и фокус!.. Просто гайка...

Никита

*Фокус будет впереди.
Ну, внимательно гляди:
только я взмахну рукою —
тут появится другое.
Отойдите-ка... прошу...
Приготовились?
Машу!*

Никита машет рукой. В тот же миг, с грохотом и сверканьем, перед ребятами на грядке появляется какой-то странный предмет, напоминающий огромный самовар с трубой и краном. Изнутри «самовара» раздаётся испуганный голосок.

Голос

*Остановка неминуемая —
истощилось всё горючее!
Но куда же я попал?
Может, даже и пропал!*

Света (испуганно)

Говорящий самовар...

Голос

Пропадай, последний пар!

Из бокового крана со свистом вырывается пар. Ребята испуганно отпрыгивают.

Света

Я боюсь его, Никита!

Женя

Объясни ты, кто внутри там?

Никита (растерянно)

*Ох, не знаю я, товарищи,
что за странный самоварище!
Я другой задумал фокус,
я хотел для девочки
из кармана вынуть компас
и конфету «Белочка»...*

Женя

Удивительно и странно...

Света

Вот так гайка из кармана...

Голос из самовара

*Надо вылезти наружу...
Что снаружи обнаружу?
Ах теперь мне всё равно...
Вылезаю. Решено!*

Крышка «самовара» откидывается. Изнутри испуганно высовывается и потом осторожно вылезает маленький Человек. Оглядывается по сторонам. Ребята вскрикивают от изумления.

Человечек

*Вот стоят среди поляны
три огромных великана.
На меня они глядят —
Видно, съесть меня хотят!
Лучше мне бы на чужбине
посидеть пока в кабине...*

Света

*Может, это — Мальчик-с-Пальчик?
Он боится, бедный мальчик!*

Никита

Женя! Это космонавт!

Человечек

Ох, проглотят... Был я прав!

Умоляюще сложив руки, обращается ко всем:

*Дорогие великаны,
Измените ваши планы.*

*Я совсем не сдобный,
весь я — несъедобный!*

Света (с негодованием)

Никто тебя не станет есть!

Женя

А кто ты и откуда?

Человечек

*Я — несчастный Пятью-Шесть
с планеты Чудо-Юдо...
Лечу, куда глядят глаза.
Из строя вышли тормоза.
Планету вашу облетал —
мотор работать перестал.
Стряслась со мной авария
над вашим полушарием.
И где теперь я нахожусь,
я даже думать не берусь...*

Никита

Ты в деревне Куры-Рябушки.

Света

В огороде нашей бабушки.

Женя (показывая рукой)

*А что вокруг: леса, поля —
всё называется Земля.*

Пятью-Шесть

Позвольте мне на Землю слезть?

Спрыгивает и подходит к ребятам.

Вам благодарен Пятью-Шесть!

Никита (восхищенно)

Вот так имя! Правда, Женя?

Как в таблице умноженья!

Женя

Пятью шесть — конечно, тридцать.

Света (с гордостью)

Женя знает всю таблицу!

Никита

*Шестью пять, друзья мои,
будет то же самое!*

Пятью-Шесть (восторженно)

*Ах, Шестью-Пять — мой старший
брат!*

Как я учёных видеть рад!

*Такое достижение —
таблица умножения!*

Женя (скромно)

*Я просто Женя Пеночкин —
совсем не знаменитый.*

А Света — просто девочка.

А это вот — Никита.

Никита (скромно)

Таблицу знает весь наш класс.

Пятью-Шесть

*Ещё приятней видеть вас —
учёных выдающихся,
совсем не задающих!*

Света

*А расскажи нам, Пятью-Шесть,
откуда вдруг ты взялся здесь
на грядке огуречной?*

Женя (снисходительно)

Из космоса, конечно.

Пятью-Шесть

*Сначала я попал в беду,
потом — на эту вот гряду...*

И далека отсюда

родная Чудо-Юдо!

Зачем же я искать пошёл?

Зачем в ракету я вошёл?

*Зачем же, горемыка,
я пальцем в кнопку тыкал?*

Пятью-Шесть совершенно расстроен.

Ребята (хором)

Ты не горюй!

Ты не тужи!

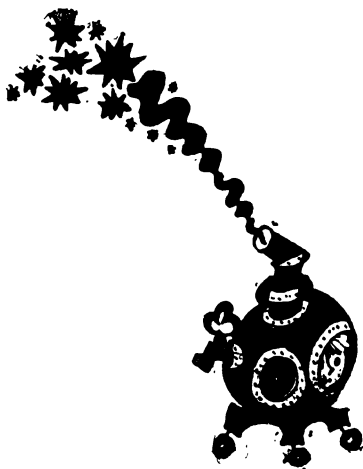
Ты по порядку расскажи!

Пятью-Шесть

Я излагаю кратко

События по порядку...

(Окончание следует)

Д В Е С К А З К И

ПРО ВОРОБЬЯ

Среди многих воробьёв был один, до того маленький, что его даже прозвали Гномиком. Ну и как, к сожалению, случается с такими маленькими, часто его обижали. То толкнут, то не пустят на тёплое место под крышу на ночь, то зерно из-под самого клюва ухватят. И до того было Гномику обидно, что стал он жаловаться вслух на свою невесёлую жизнь: и что маленький он, и что обижают его, и что тяжело ему и обидно.

— Ну,— услышал он однажды в ответ чей-то волшебный голос,— я могу сделать тебя большим воробьём. И тогда уж тебя никто не обидит, даже кошка.— И тут же воскликнул: — Стань большим воробьём!

И Гномик тут же большим воробьём стал.

— Теперь ты будешь называться Великан! — сказал волшебный голос.

Воробей оглянулся — кто это так с ним сделал,— но никого не увидел. Впрочем, такое в сказках случается.

— Вот это здорово! — обрадовался воробей.— Ну теперь

я вам всем покажу. Теперь вы меня узнаете!

И сразу же полетел под крышу и ну давай выгонять воробьёв оттуда. Те пищат, кричат, а он и доволен. Выгнал. Хотел сам на тёплое место забраться, да куда там, не пролез. Великоват оказался.

«Что бы ещё такое сделать?» — подумал воробей и увидел во дворе собаку, старо-

го ласкового Шарика. За всю свою жизнь Шарик никого ни разу не укусил, а воробьям часто разрешал подбирать возле своей миски крошки.

«Я ему сейчас покажу, какой я сильный!» — решил воробей-Великан и полетел к Шарик. Тот дремал. Воробей изловчился да как клюнет его! Шарик вскочил, завыл от боли. А воробей ещё, да ещё, да ещё раз. Еле бедняга в свою будку убрался.

«Так, прекрасно! — обрадовался воробей-Великан. — Что бы мне ещё сделать? Может, стекло разбить? Могу. Захочу, ветки на яблоне обломаю. Захочу, вон ту девчонку, которая сидит в песке и делает из него пирожки, заклюю. Я всё могу!»

И полетел к девочке. Девочка заплакала, маму зовёт. Мама прибежала. Хотел воробей маму клюнуть, да у неё в руке палка была — побоялся и улетел на огород.

«Чего бы мне ещё сделать? Много у меня силы. Прямо девать некуда», — подумал воробей-Великан и тут же услышал снова волшебный голос:

— Что же это ты? Разве я тебя сделал сильным и большим для того, чтобы ты обижал слабых и маленьких? Нехороший ты оказался, злой, и за это сделаю я тебя опять маленьким! Стань маленьким! Будь Гномиком!

И воробей-Великан снова стал маленьким.

Завертелся он, заверещал. А тут дождь пошёл, да крупный. Гномик скорей-скорей под кры-

шу. Хорошо, что воробьи не узнали в нём того злого великана, потеснились немного, и хоть не уступили ему самого хорошего места, но зато и не выгнали. Ему и сбоку было хорошо. А главное, всем места хватило.

ПРО ЕЖА

Случилось так, что увидал себя ёж в луже.

Ёж был молодой и многого ещё не понимал. Увидел он себя и подумал, какой другой ёж-красавец там. А как понял, что это он сам, так и загордился. Во-первых, потому, что очень себе понравился. Ещё бы, одних иголок на нём сколько! А во-вторых, это же он нашёл такую хорошую лужу, в яме. Она как зеркало. Ни у кого такой прекрасной нет лужи. Только у него.

И решил ёж показать себя другим ежам. Закричал направо-налево, и сразу же к нему выбежал из-под хвороста такой же, как он сам, молодой ёж.

— Чего звал?

— Гляди сюда. Кого видишь?

— Себя и тебя.

— Как себя и тебя? Только меня видеть должен.

— А я и себя вижу.

— А должен только меня. Это моя лужа. Уходи вон!

Прогнал. Полюбовался собой, стал другого ежа звать.

Прибежал другой ёж.

— Чего звал?

— Гляди сюда. Кого видишь?

— Себя и тебя.

— Как себя и тебя? Только меня видеть должен.

— А я и тебя и себя вижу.

— Тогда уходи вон! Это моя лужа!

Прогнал и этого. Сидит, думает, как бы так сделать, чтобы в луже его видели одного. Думал-думал и незаметно уснул. И свалился в лужу.

А лужа-то в яме. Никак выбраться не может. Плавает, мордочкой в берега тычется, того гляди утонет. Закричал:

— Спасите! Помогите!

Ладно, услышали ежи. При-

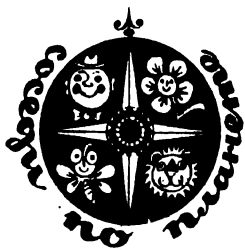
бежали, всяких веток да сучьев набросали, помогли выбраться.

Отряхнулся ёж, посмотрел на лужу, увидел себя, да не одного, а со всеми ежами-спасателями. Он-то в середине, а ежи — по сторонам. Да все весёлые, радостные, что спасли его. А всех больше он сам рад — ещё бы, жив остался. И так это ему стало хорошо оттого, что ежей много да все они вместе, что он тут же закричал:

— Смотрите, глядите на себя сколько хотите! Мне лужи не жалко!

Всё это сорока-белобока видела. Хвостом помахала и мне рассказала.

Рис. Л. Московского

А. БАТУЕВ

МОМЕНТАЛЬНЫЕ СНИМКИ

СКВОРЧОНОК

В игротке пионерлагеря шмыгнула какая-то тень и спряталась в шкаф, где лежали игры. Неужели крыса? И я осторожно заглянул в шкаф. Там, забившись в уголок, сидел скворчонок.

В застеклённой игротке испугавшийся слёток мог легко искалечиться, ударившись в окно, и я поспешил поймать птицу.

Как отчаянно закричал скворушка! В глазах ужас, сердце так и колотится в груди, кажется, вот выскочит.

Стоило мне выйти на крылечко, и я сразу заметил взрослого скворца. Конечно, это был отец, поспешивший на призыв своего птенца. Увидав отца, скворчонок ещё громче стал звать на помощь. Как заматался несчастный папа, видя, в какую беду угодил его несмыслёныш, попав в руки врага! За всю свою жизнь я так и не научился не удивляться этой поразительной привязанности пернатых родителей к своим детям.

Конечно, прежде чем выпустить скворчонка, надо было убедиться, что у него нет никаких повреждений. Нет, всё в порядке, видимо, угодил в игротку по глупости. Я поднял высоко руку и раскрыл пальцы. С криком радости птенец полетел к отцу. Вот они уже рядом высоко на сосне. Все страхи позади, и можно опять радоваться жизни.

Весь эпизод занял несколько минут, но какая гамма чувств промелькнула за это время! Растерянность, испуг, наконец, ужас, отчаяние и безмерная радость воли. Если бы скворец был нем, человеку не передалась бы вся полнота его переживаний.

ЗЯБЛИК

В другой раз, там же, на Коркинском озере ребята принесли зелёного птенчика. Он доверчиво сидел на руке и не проявлял ни малейшей тревоги. По-видимому, наше общество его вполне устраивало.

У слётков, только что покинувших гнездо, это нередкое явление, когда врождённый страх перед человеком ещё молчит. Но пройдёт несколько дней, и птенец станет дикарём и уже не подпустит к себе человека.

На всякий случай спрашиваю ребят: «Чей это птенец?» — «Чижики», — небрежно роняет самый бойкий, по имени Коля. Он всегда «всё знает» и часто попадает впросак. «Нет, это зяблик. Несите удочку, да ту, что подлиннее».

Посадив малыша на самый кончик удоч-

ки, я высоко поднимаю её и осторожно пересаживаю птичку на ветку берёзы, и мы отходим в сторону. Буквально через несколько секунд рядом с птенцом появляется нарядный разноцветный папаша. Нам отчётливо видно, как он кормит малыша. «Пинь-пинь», — и вот обе птицы снимаются с ветки. Птенчик, как на шнурке, «тянет» за родителем, и вскоре зяблики скрываются за деревьями.

Удивительно! Оказывается, наш знакомый уже вполне хорошо летает. Почему же он дался в руки и не улетел, когда я сажал его на удочку и пересаживал на берёзу? Видимо, окружающий мир ещё так нов, так непонятен, что малышка может летать только вслед за родителями, а опасности не понимает.

ВОЛЧОК

Мы с юннатами возвращаемся из леса. Ребята несут для зоокружка траву, ветки, и вдруг бойкий Коля кричит: «Волчонок, волчонок!» Действительно, нам навстречу доверчиво идёт какой-то пушистый зверь. Мои спутники в замешательстве и не знают, как им реагировать. «Ой, это, кажется, чернобурка», — говорит маленькая девочка. — Я боюсь, она не кусается?»

Забавный коротконогий увалень — щенок енотовидной собаки, уже не сосунок. Он внимательно обнюхивает нас и останавливается, не уходит. Я не знаю ни одного случая, чтобы дикий зверь вот так без колебаний вышел на людей, да ещё начал с ними знакомиться. У кого-то нашлись пряник и конфета «Старт».

Енотик с явным удовольствием принял угощение и последовал за нами. Всю дорогу до лагеря я не переставал удивляться. Даже хорошо воспитанная собака не могла бы вести себя лучше в лесу, чем енотик. Он, ни на шаг не отставая, шёл рядом с нами, словно гулять по лесу в обществе ребят для него было привычным делом.

Вот забор, калитка, шум голосов, радио — сейчас побежит обратно в лес. Но... нет! Идёт уверенно за нами в калитку. Зверь сам пришёл из леса к людям?! Мы так никогда и не узнали тайны Волчка, как мы окрестили енотика. Наверняка его воспитали люди, и он как-то потерял своих хозяев. Добродушный, покладистый, спокойный, он стал украшением клуба юннатов и впоследствии снимался как киноартист в цветном сувенирном фильме «Зоопарк у нас дома».

БОРОН

На лесной дороге женщина с киноаппаратом следит, как облако медленно сползает с солнечного диска. Двое мужчин колдуют над магнитофоном. Мимо не спеша, с независимым видом проходит «волосатик» с транзистором в руке, из которого несётся плясовая. Мужчины просят выключить транзистор, он им мешает работать.

— Работать? — удивляется прохожий, выключая приёмник.

— Кто не работает, тот не работает, — слышится сочный бас. — Давай копейку.

— Это вы мне? — недоумевает парень, вопросительно глядя на мужчин. — он не понимает, кому из них принадлежит мощный голос.

— Немного в сторону, — просит женщина.

— Вовочка хороший! Кто не работает, тот не ест.
 — Никакой я не Вовочка, а Гена,— обижается «волосатик».
 — Ах, боже мой,— сердится пожилой мужчина, выключая магнитофон.— Вы нам мешаете работать, мы записываем ворона.
 Только теперь парень замечает у обочины дороги огромную иссиня-чёрную птицу, лукаво поглядывающую на людей.
 — Дай, дай копейку,— словно насмехаясь, басит ворон, и сконфуженный парень спешит удалиться.
 Так отличился воспитанник нашего юннатского клуба «Шесть континентов» ворон по кличке Вова.

Рис. Р. Попова

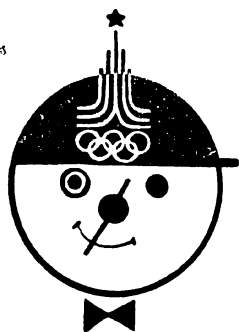
В. ШУМИЛИН

Цыплёнок и Щука

Поймал однажды Щуку
 Цыплёнок на крючок.
 — Ага! — вскричала Щука,—
 Я съем тебя, дружок!
 — Постой! — пищит
 Цыплёнок,—
 Ведь я тебя поймал!
 — Ну, да! — смеётся Щука,—
 В ловушку сам попал.
 За речку солнце село,
 Притих зелёный бор.
 А спор у них не кончен:
 Всё спорят до сих пор!

Рис. В. Гальбы

КЛУБ
«ОЛИМПИЙСКИЙ
ХРОНОМЕТР»

Лев ГАВРИЛОВ,
Вольт СУСЛОВ

Я, Мишка-олимпиец, вас зову
Пока не в олимпийскую Москву,
Хочу вам показать, что звери, птицы,
Коль разобраться — тоже олимпийцы.
И шустрый Заяц! И огромный Слон!
За мною! На весёлый стадион!

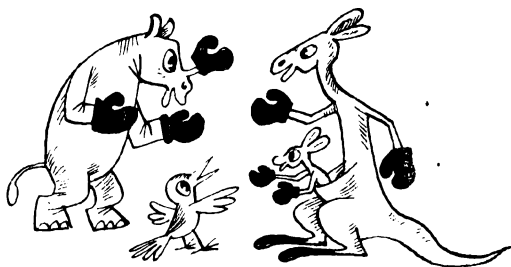
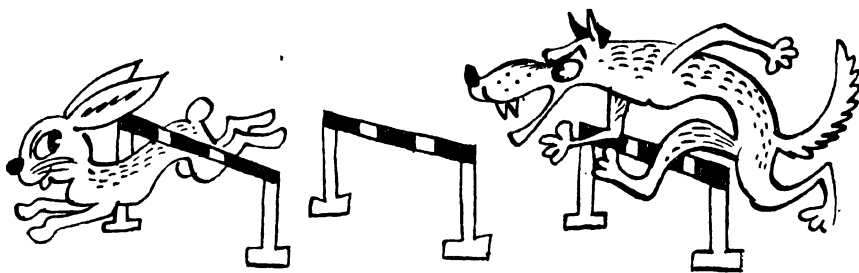
Рисунки М. Беломлинского

На весёлом стадионе

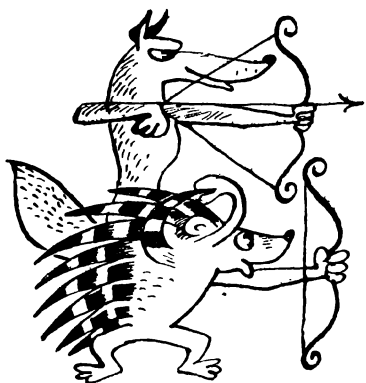

Стометровка.
Взяли старт
Конь, Жирафа и Гепард.
Не тяни, Жирафа, шею,
Этот номер не пройдёт:
Побеждает — кто быстрее,
Кто хитрее — тот не в счёт!

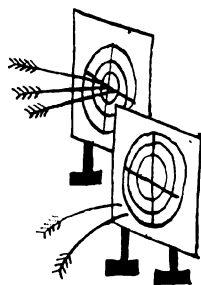
Это — быстрый бег барьерный.
Кто там первый?
Заяц первый.
Он от Волка бегал часто
В чаще, в поле, и в кино —
Зря старается зубастый:
Не догонит всё равно!

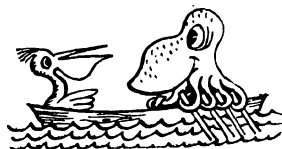
Это что ещё такое?
Почему на ринге трое?
Третий — лишний.
Нет его
В олимпийском списке.
И вдвоём на одного —
Не по-олимпийски.

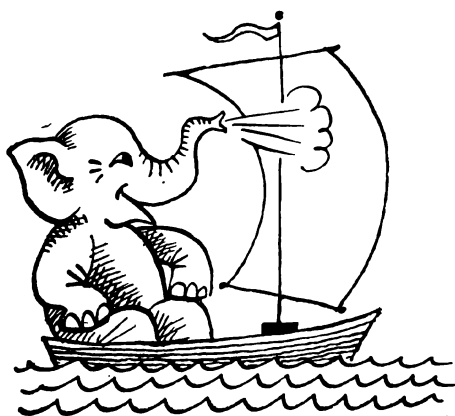
*Пролетели стрелы мимо...
Но попасть необходимо!
И хитрюга Дикобраз
Свой использует запас.*

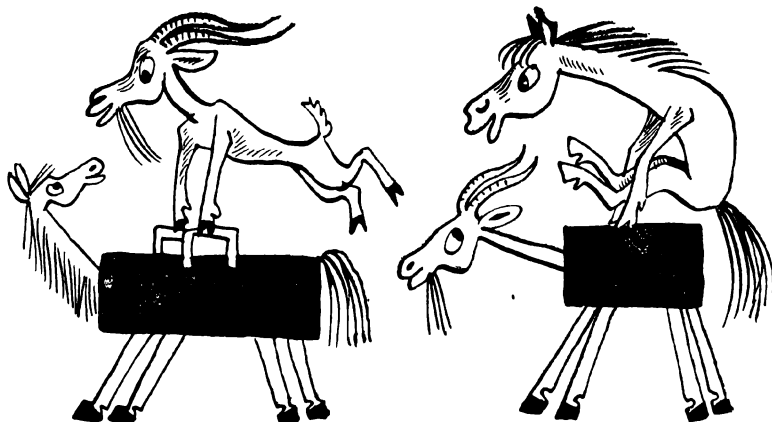
*Осьминог спешит вперёд:
Он за всех один гребёт!*

*— Эй, ныряй! — кричат Верблюду.
А Верблюд в ответ: — Не бу-уду!..—
Взял и прыгнул Бегемот.
Что сейчас произойдёт?!*

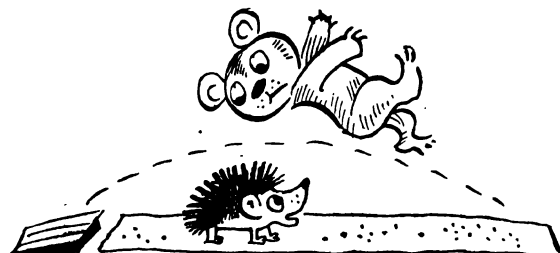

*Впереди пятнадцать миль,
А на море полный штиль.
Но яхтсмен упрямо сам
Помогает парусам.*

*Два спортивные снаряда
Различать, ребята, надо.*

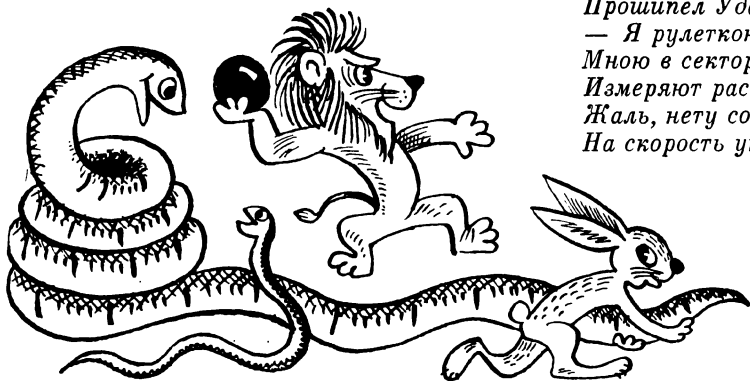
*Кто из вас, друзья, нашёл,
Где тут «конь»,
А где «козёл»?*

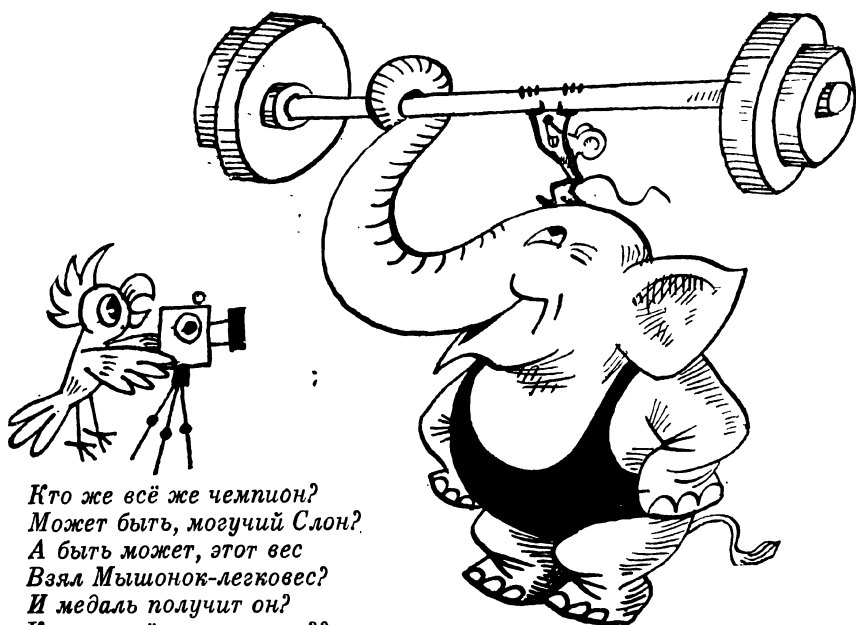
*Разбег. Толчок. Прыжок. Рекорд!
Мишутка рад! Мишутка горд!
(Когда в прыжковой яме ёж —
И не туда ещё мазнёшь!)*

*Голова в кольцо торчит,
По-жирафьему кричит:
— Не бросайте по кольцу!
Попадёте по лицу!*

Прошипел Удав-Ужю:
— Я рулеткою служу.
Мною в секторе толкания
Измеряют расстояния.
Жаль, нету состязания
На скорость уползания!..

Кто же всё же чемпион?
Может быть, могучий Слон?
А быть может, этот вес
Взял Мышонок-легковес?
И медаль получит он?
Кто же всё же чемпион??

Броненосец шепчет в страхе:
— Вот так щит у Черепахи!..
И хотя я весь в броне,
Почему-то страшно мне...

Ещё идут повсюду соревнования,
Но к нам пришла минута расставания:
Чтоб рассказать про всех зверей и птиц,
Не хватит в нашей «Искорке» страниц.

РЫБКИ-ПОПРЫГУНЫ

Их учёные называют «перифталмус кельрейтери» и считают уцелевшим остатком древней эпохи, переходным звеном от жизни в воде к жизни на земле.

За рыбами-прыгунами можно наблюдать на южном побережье Мадагаскара (остров в Индийском океане) во время отливов. Эти странные существа, опираясь на переднюю пару плавников, медленно ползут по песку. Однако стоит протянуть к ним руку, как рыбки мгновенно совершают прыжок на расстояние свыше метра. А сами-то они длиной не более 5 сантиметров.

Рыбка-прыгун настолько привыкла к земной жизни, что в воде через час-полтора начинает задыхаться и вынуждена высовываться, чтобы хлебнуть свежего воздуха. На суше они ловко ловят насекомых.

АРТИСТКЕ — 4 ГОДА

Коллектив Театра музыкальной комедии из Ленинабада познакомил зрителей с новой работой — «История индийского мальчика Маугли». В постановке заняты ведущие актёры театра и участники художественной самодеятельности Дома пионеров. Роль Маугли исполняет воспитанница детского сада четырёхлетняя Гульчехра Аюбджанова.

КРЕСТОСЛОВИЦЫ

Кроссворд — слово английское, в переводе — пересечение слов, по-русски — пересекающиеся слова, или крестословица.

Первый кроссворд в нашей стране появился в журнале «Огонёк» 12 мая 1929 года.

Самый большой кроссворд в мире составил учитель из ФРГ. Он состоит из 44 115 клеток и охватывает по горизонтали 7612 и по вертикали 8823 вопроса.

ВОЗРАСТ НЕ ПОМЕХА

В Японии самая популярная игра — бейсбол. В каждой школе есть своя бейсбольная команда. Встречи лучших команд транслируются по радио и телевидению.

Свою 200-ю победу в этой атлетической игре недавно отпраздновал... 85-летний житель Июкога-мы, бывший учитель Имамура. Ветеран бейсбола сумел доказать, что возраст спорту не помеха.

В ОПАСНОСТИ... НОСОРОГИ!

Род носорогов один из древнейших — ему, как считают учёные, более 15 миллионов лет. За последнее десятилетие эти животные, успешно пережившие целые геологические эпохи, оказались на грани истребления. Они почти полностью уничтожены в Индии и Индонезии. В Кении ещё в недалёком прошлом насчитывалось более 10 тысяч этих «живых танков». Перепись, проведённая в 1978 году, показала, что их осталось не более 1800. Главная причина их уничтожения — рог животного, пользующийся постоянным спросом на международном рынке.

К настоящему времени носорогов больше всего сохранилось в Танзании — 8-9 тысяч и в Замбии — около 10 тысяч. Правительства этих африканских стран принимают все меры к их охране.

...в Чехословакии выступает любительская футбольная команда, составленная по семейному принципу! Создал команду глава семейства Йозеф Нетушил из Везеча. В команде играют одиннадцать его сыновей. Самому старшему — 46 лет, а младшему — 20. Всего в семье Нетушила 13 детей.

...древний город Вавилон, который между 1894 и 538 годом до нашей эры был столицей Вавилонии, будет восстановлен! Как объявлено в Багдаде, в Ирак будут приглашены виднейшие археологи многих стран мира, которые примут участие в работах по подготовке к восстановлению этого бесценного памятника древности. По дошедшим до наших дней рисункам предполагается реставрировать многие здания города, в том числе знаменитую Вавилонскую башню, от которой осталось одно основание.

...на Сахалине растут травы высотой с дерево! К примеру, гигантское растение — борщевик. Стебель его не обхватишь пальцами одной руки, а в высоту он полтора человеческих роста. Эта «травинка» больше похожа на дерево. Листья похожи на зонтики, стебли же выше человеческого роста. Учёным-ботаникам путём многочисленных экспериментов удалось «приручить» дикие травы-гулливеры. Травяные джунгли теперь растут в некоторых хозяйствах и нашей области.

...запуск воздушных змеев — одна из любимых народных забав в Японии! Их делают самых причудливых форм и размеров — от маленьких, величиной с тетрадный лист, до огромных, площадью в несколько квадратных метров, в запуске которых принимают участие несколько десятков человек. Проводятся соревнования, на которых выявляются рекордсмены. На состоявшейся в Фокуоке национальной встрече любителей этой забавы служащий Кудо запустил на одной нитке 250 воздушных змеев. Они поднялись на высоту 625 метров. Это «мировой рекорд».

...найденно письмо на бересте, оказавшееся самым древним из обнаруженных в Новгороде за все годы раскопок! Оно датировано 70-ми годами XI века и содержит длинный перечень имён и населённых пунктов, в которых жили должники автора найденного письма.

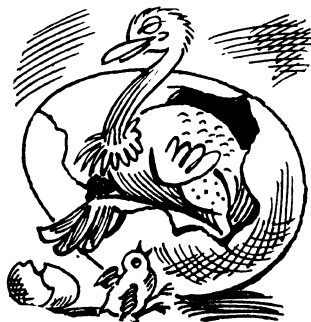
...во время земляных работ в старинном немецком городе Галле (ГДР) обнаружены остатки средневековых крепостных стен! Они расположены вблизи «Лейпцигской башни» и хорошо сохранились. Возле стен найдена трёхметровая деревянная труба старинного водопровода. Крепостная стена в Галле была сооружена в XII веке.

...в ознаменование Международного года ребёнка Горьковским облпрофсоветом объявлен конкурс на лучшую детскую игрушку! Из дерева, пластмассы, резины, металла могут предложить её как рабочие коллективы, так и отдельные умельцы.

...в Японии появились электрические ножницы! Они нашли широкое применение в быту. Принцип действия тот же, что и у электрической машинки для стрижки волос. Ножницы портативные, их длина 13 сантиметров, ширина 3 сантиметра, вес около 100 граммов.

...в сети уругвайских рыбаков попало неведомое морское животное! Вес его около тонны, длина более 2 метров. На спине — панцирь, похожий на черепаший. Странное животное имеет мощные челюсти и веерообразные ушные раковины. Уругвайские ихтиологи заявили, что это существо нельзя отнести ни к одному из известных видов фауны.

...20 тысяч яиц насчитывает коллекция, собранная отделением биологических наук университета в городе Галле (ГДР)! Наиболее интересные экспонаты: крошечное яичко кубинского зелёного колибри, которое поместилось в колбе, и 8-литровое яйцо вымершего мадагаскарского страуса, в которое войдёт содержимое 148 куриных яиц.

ХОДОМ КОНЯ

Отдел ведёт Вадим Аментьев

Н	Л	К	
Т	Й	О	Е
С	О	О	У
Е	Я	Н	М
	О	Н	В

Обойдите все клетки этой фигуры ходом шахматного коня, начиная с выделенной клетки, так, чтобы у вас сложилась русская народная поговорка о рыбной ловле... и не только о ней.

И, кроме того, подумайте, сколько слов можно составить из тех букв, которые встречаются в рисунке только по одному разу?

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ ШИФРОВАНИЕ

На рисунке вы видите зашифрованные строки из произведения великого русского поэта. Каждой букве соответствует свой, определенный значок, который обозначает только эту букву. Расшифровать текст не составит труда, если вы сможете прочесть фамилию поэта, записанную под строками стихотворения.

||O▼ =: :||Δ:::▼ X▼::Δ: || 8O▲

∞▲● ●▼■|| ::▲X+▼□▼ ◇■●◆∞

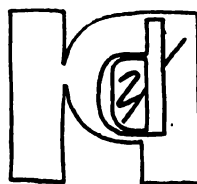
Δ▼ X::▲f|| X||□||■Δ▲:: □└8O▲

◆ ●▼::└◇|| X||■H::■ O▼□▼■◆∞

Δ||+■▲X▼□

МИНИ-РЕБУС

Какое слово зашифровано с помощью этого ребуса?

СОСТАВЬТЕ ПОСЛОВИЦУ

Манера, ток, капот, рапорт, флеш, ветер, лапа, лото, ратник, икра.

Возьмите из каждого слова по две таких соседних буквы, чтобы из выбранных вами букв сложилась русская народная пословица.

РУССКАЯ ПОСЛОВИЦА

Поход, тапа, ущелье, невод, бolid.

Какую пословицу можно сложить, если взять из каждого слова по три смежных буквы?

Проверь себя

Ответы к «Искорке» № 7

ЛАБИРИНТ

Существуют четыре основных пути в центральную пещеру.

Сумма цифр маршрутов:

Направо — $5+7+8+3+6+1=30$.
 $5+7+4+3+10+2+6+1=38$.

Налево — $6+5+9+4+2=26$.
 $6+8+4+11+7+2+2+6+1=47$.

ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ ШИФРОВАНИЕ

Отрывок из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Весна»:

Когда весной разбитый лёд
 Рекой взволнованной идёт,
 Когда среди лугов местами
 Чернеет голая земля...

АРИФМЕТИЧЕСКИЙ РЕБУС

$369 \times 463 = 170\ 847$.

МАЛЕНЬКИЙ РЕБУС

«Недоросль» = $N + (P)e + do + p(o) + d(o) + c(o)л$.

Содержание

Летняя песенка. Стихотворение Ольги Фокиной	1
Бежит трамвай по городу. Очерк Василия Островского	2
С пакетом. Стихотворение Алексея Шлыгина	8
...И рисунки автора (К 50-летию В. В. Голявкина).	9
Всё в порядке. Глава из повести Виктора Голявкина	11
Памяти алый цвет. Очерк Т. Зазориной	16
Литературная Вологда. Стихи и миниатюры о природе . . .	19
Решалась судьба России. Главы из повести Якова Гордина . .	23
Необычная распродажа. Заметки из международной почты Бориса Никольского	31
Стихи английских поэтов в переводах Игоря Куберского . .	32
Митя, Тим, Буксир и мама. Рассказ Сергея Вольфа . . .	35
Собака и кошка. Стихотворение С. Махотина	44
Про человечка Пятью-Шесть с планеты Чудо-Юдо. Фантастическая пьеса в стихах Олега Тарутина	45
Сказки Сергея Воронина . . .	51
Моментальные снимки А. Батуева	54
Цыплёнок и Щука. Стихотворение В. Шумилина	56
На весёлом стадионе. Заседание клуба «Олимпийский хронометр»	57
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят . . .	63
На 1-й странице обложки рисунок Л. Московского «Вырастил Петя репку».	
На 2-й странице обложки фото П. Маркина «В гостях у «Авроры».	
На 3-й странице обложки «Спорт, спорт, спорт!..» Фото ТАСС, В. Голубовского. А. Медведникова.	
На 4-й странице обложки картинка-загадка Г. Моисеевой.	

Редактор Л. А. АНИЩЕНКО

Редактор-составитель Д. Б. КОЛПАКОВА
 ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: А. Е. Власов,
 Н. А. Внуков, К. И. Курбатов, А. М. Млодик,
 Б. Н. Никольский, В. Н. Суслов, И. А. Туричин.

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон 212-87-55.

Сдано в набор 3.07 1979 г. Подписано к печати 17.08 1979 г. 4 п. л.
 М-20186. Зак. № 223. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 55 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата.
 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

